

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЛЕОНИД КОНДРАТЬЕВ,
ВЛАДИМИР МЯСОЕДОВ
ЛЕДИ С КЛЫКАМИ

Владимир Мясоедов

Леди с клыками

«АЛЬФА-КНИГА»

2012

Мясоедов В. М.

Леди с клыками / В. М. Мясоедов — «АЛЬФА-КНИГА»,
2012

Позвольте представиться – леди Клер Шатразн Отхильда Дербас Туиллойска, любимая дочурка своего папочки-полугнома, широко известного золотопромышленника и изобретателя, у которой есть все, что требуется девушке из высшего общества, достигшей совершеннолетия. И это прежде всего состояние, которое она унаследует от отца, а также умение метко стрелять из револьвера, подобающее воспитание, способности к темной магии, очень быстро вырастающие при душевных расстройствах клыки, толика гномьей крови плюс враги, доставшиеся по наследству от исчезнувшей в неизвестном направлении мамы... Перелистывая страницы романов и древних хроник, никогда не знаешь и даже не догадываешься, что и тебя однажды может подхватить мутная волна приключений. И неизвестно еще, какие страшные тайны приоткроются твоему взору. Начать хотя бы с происхождения...

© Мясоедов В. М., 2012

© АЛЬФА-КНИГА, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Леонид Кондратьев, Владимир Мясоедов Леди с клыками

Пролог

Первым, что я увидела, открыв глаза, было лицо моего папочки. Пелена густых черных волос чуть колыхнется, как будто в ее глубине течет какая-то своя, неизвестная внешнему миру жизнь. Из буйной, но незатейливой прически выбивается только кривой, хищно загнутый книзу, широкий, похожий на клюв, мясистый нос. А над ним, мерцая среди спутанных прядей, – темные глаза; солнце отбрасывает на них багряные отблески, создавая иллюзию какого-то демонического огня.

– Опять ты в своей маске. – Слова сорвались с губ раньше, чем я успела подумать. – Скоро уже и забуду, как ты без нее-то выглядишь.

Папа виновато шмыгнул носом, издав звук, больше приличествующий клацанью ружейного затвора, и снял свои темные очки. Затем немного подумал и попробовал расчесать пальцами свои свисающие со лба настоящим водопадом лохмы. В косматую бороду, придающую не занавешенной волосами части лица схожесть с клубком шерсти, лезть не стал. За шестьдесят четыре года своей жизни родитель уже усвоил, что без слесарных инструментов, ну или, на худой конец, очень прочного гребня пытаться спорить с наглой растительностью бесполезно. Особой привлекательности, впрочем, ему это не прибавило. Гномы, они вообще как-то не слишком гламурны, причем все поголовно. И то, что у отца крови подгорного народа в жилах течет только половина, особой роли не играет. Пошел-то он в папу, известного и удачливого золотодобытчика, сколотившего на прииске, существовавшем в наших краях лет семьдесят назад, весьма немаленькое состояние, а не в маму, умную и расчетливую трактирщицу, которая как-то пообещала своему наиболее регулярному клиенту скидку на пиво, если он на ней женится.

Не знаю уж, шутила бабушка в тот момент или нет, но дедушка оценил ее статью, весьма выдающуюся, если верить прижизненным портретам. Вспомнил, что стоявшая перед ним женщина являлась на две недели пути в любую сторону единственным источником пенного напитка, столь милого детям камня, и тут же сделал ей предложение руки и сердца.

Говорят, свадебная гулянка по своим последствиям напоминала набег переживших мухоморов горных троллей. Хотя несколько представителей этого племени в общем-то на торжестве тоже присутствовали, но не могли же они всего вчетвером завалить две шахты, снести ратушу, затопить полицейский участок (и это посреди зимы-то!) и водрузить на центральной площади поселка золотодобытчиков ледяную статую практически голой эльфийки верхом на драконе! Причем этот полумифический ящер с пригнутой к самой земле шеей был явно сделан в натуральную величину. Достаточно сказать, что девушка, изваянная из розового льда, удобно устроилась на его голове, бесстыдно свесив ноги по бокам морды, и являла взглядам собравшихся полный минимализм в своей одежде, причем в районе, скажем так, зоны бикини. Ну это если не считать одеждой символический листок меллорна на самом интересном месте. На бюсте и того не было, между прочим. Я это точно знаю, видела фотографии скульптуры с разных ракурсов. Они и сами по себе достаточно ценны, как-никак одни из первых со времен Древних, а уж вместе с изображенным на них бесстыдством так и вовсе уникальны. Впрочем, сей памятник, гм, культуры можно и в натуральном виде посмотреть, если не лень съездить в землю вечного льда, куда впечатленные силой искусства тролли уво-

локли его с наступлением весны. Чтобы не растаял. Между прочим, целым кланом тащили, почти сотня мохнатых рыл. До сих пор ведутся жаркие споры насчет того, кто именно ту скульптуру создал, как и, самое главное, с кого ваяли...

– Клер, дочка, ты как?

Папа, видимо, сильно обеспокоился моим продолжительным молчанием. Странно. Обычно проявлений не только отцовской, но даже хоть какой-то заботы от него не дождешься. С тех пор как мне минуло десять лет, он практически полностью спихнул все проблемы, связанные с подрастающим потомством, на нанятых учителей и гувернанток, а сам почти все время проводит в своем кабинете, совмещенном с кузней и лабораторией. Чего уж он там делает, не признается, но выходит оттуда редко, а вот копии с разных древних фолиантов ему туда курьеры привозят часто. И каждый из них стоит столько, что кому-нибудь победнее потраченной на редкую книгу суммы хватило бы лет на пять обеспеченной жизни. А ведь и правда, чего это я? Обычно такие долгие приступы раздумий и воспоминаний мне не свойственны. Всегда предпочитала действие. Но в теле какая-то слабость и мысли путаются... Неужели напилась? Папа меня прибьет. Ну выпорот точно, не посмотрит, что девятнадцать лет скоро. Если бы не его человеческая половина, то он мог бы в музее экспонатом работать. Единственный в мире гном, который запрещает своему потомству пить все, что крепче воды.

За крохотную рюмку вина, выпитую на выпускном вечере в школе, устроил трехчасовую головомойку, лишил карманных денег на два месяца и еще полгода дулся, нехорошо косился и даже обнюхивал в профилактических целях.

– Все нормально... – Попытка приподняться провалилась, потолок спальни нашего особняка (теперь хотя бы понятно, где я) завертелся перед глазами. Руки, ноги, шея, а особенно почему-то пальцы вдруг вспомнили о своем существовании и заныли все разом, а зубы вдруг застучали, едва не прикусив мгновенно язык, который вдруг начал упорно сигнализировать, что его засунули в песок, причем весьма сильно нагретый. – О-о-ой, как-то мне нехорошо-о-о... все ломит... и во рту такая сухость...

У отца, чье лицо все еще висело надо мной, всем своим видом выражая тревогу и заботу, волосы дыбом встали. Не вру. Его густая черная грива, в которой удар сабли увязнет, отчетливо зашевелилась, а от лица, прокопченного солнцем, ветром, жаром горна и пламенем алхимических горелок, отхлынула, как показалось, вся кровь.

– Пей! – В губы мне больно ткнулось горлышко какой-то фляжки. – Пей! Пей, дочка, пей! Ради всего святого, не сплевывай, пей!

Я послушалась. Папа хоть и со странностями, но плохого не посоветует. Любит он дочурку, правда, как-то странно, на свой лад, но в обиду никому не даст. Когда была маленькой и на меня напала собака соседа, какого-то там аристократа из самой столицы, переехавшего в нашу глухомань из-за последствий провалившейся интриги, он забил его насмерть стамеской, невзирая на то что противник пытался отмахиваться шпагой. Что с песиком стало – говорят, вообще страшно взглянуть было, я сама не помню... Потом отца чуть не засудили, но деньги нашей семьи и угроза нанять ассасинов, которые быстро бы повывели всех родственничков того идиота, что пускает боевого гоблинода гулять без ошейника по улице, помогли. Тьфу, какой ужасный вкус крови на языке, он мне что, половину десен снес, что ли? Лишь глотке на пятом сообразила, что для разбитой губы концентрация что-то чересчур насыщенная. Создавалось полное впечатление, что я, будто полупоупендарный вампир, присосалась к чьей-то шее.

– Какого демона?! – Гнев, как обычно, придал мне сил, и потолок мгновенно перестал вертеться, как танцовщица, исполняющая перед мужчинами нескромный танец, а боль в теле ретировалась куда-то далеко-далеко. Фляжка полетела в одну сторону, пятная ковер и простыни темно-красным, почти черным содержимым, а бултыхающаяся во рту жидкость

была выплюнута в другую, а отец, хоть его не задело ни первым, ни вторым, буквально отлетел куда-то к дверям и еще в полете наставил на меня чудовищных размеров мушкет. Причем пальцы его на спусковом крючке ощутимо дрожали.

– Ты что делаешь, он же заряжен! – Даже с кровати было видно, что полочка с порохом отнюдь не пуста. И примитивность даже не пулевого механизма, устаревшего на добрую сотню лет и исправно служившего еще деду в его нелегком и опасном деле золотодобытчика, ничуть не помешала бы этому осадному оружию – а по-другому калибр в два кулака, причем полноценных гномьих, назвать и нельзя – разнести мою сильную, но легкую тушку на множество мелких кусочков, которые потом даже с помощью некромантии нельзя будет сложить воедино.

– Клер? – Голос отца дрожал, чего с ним не бывало даже в моменты, когда он, куря трубку, работал с динамитом.

– Да? – Я зачарованно следила за дулом мушкета, куда при некотором старании, возможно, сумела бы пропихнуть и голову. В пять лет у меня это, кстати, получилось, правда, я с тех пор несколько подросла, но, кажется, древнее ружье тоже увеличилось. Сейчас оно казалось мне даже больше, чем новенькая гарнизонная пушка, завезенная в прошлом месяце в нашу глухомань напрямик из Форт-Дланша, кузнечной и оружейной, а также магической и политической столицы государства.

– Твое полное имя, – потребовал отец.

– Пап, ты чего? – попыталась я слезть с кровати и выйти из-под прицела оружия, но его ствол качнулся следом.

– Дочка, я не шучу. – Мой, как видно, окончательно сошедший с ума родитель уперся своими по-гномски широкими плечами в створки двери, которая и десяток-другой ударов тараном спокойно выдержала бы, и почти плача произнес: – Скажи, как тебя зовут, полное имя, Клер, ну пожалуйста, не заставляй меня этого делать, я не хочу-у-у...

Под конец он почти сбился на визг. Истеричный психопат с ружьем – это страшно. Даже если ты его знаешь всю свою жизнь. Гнев, застилавший все вокруг кровавой пеленой, куда-то испарился. Да и не умею я долго злиться, если честно. Всегда, как и в этот раз, быстро вспыхивала и быстро отходила.

– Клер Шатраэн Отхильда Дербас Туиллойска. – От перепуга вспомнился мой родовой, унаследованный от подгорного дедушки титул, свидетельствующий о принадлежности к клану. В документах-то значится просто: «Клер Дербас, уроженка города Ольна, по рождению цеховик, способности к магии воды, разума и тьмы выше среднего».

– Правильно. – Ствол мушкета опустился чуть-чуть, буквально на волосок. – А как меня зовут?

Если он забыл свое имя, то его можно будет объявить недееспособным и сдать в какой-нибудь приют? Я больше не рискну оставаться наедине с человеком, ну, то есть полугномом, который имеет восемь патентов по минно-взрывному и оружейному делу. Он ведь и ночной горшок взорвать сможет, не побрезгует выделить из отходов собственной жизнедеятельности селитру, а вазу еще и подпилит в нужных местах для лучшего разлета осколков. Да и потом быть богатой, хочу заметить, очень богатой наследницей куда лучше, чем невинной жертвой сошедшего с ума ученого.

– Грем Дербас, – с готовностью напомнила ему я. – От кланового имени ты отрекся, когда тебя в хирд вписать отказались из расистских соображений. Зря, кстати, своим гномы везде скидку дают, пусть небольшую, но все же.

– Тоже правильно, – констатировал отец и опустил мушкет на пол, отодвинув дуло в сторону стены. – Я тогда был сильно обижен и о финансовой стороне вопроса как-то не подумал. Что ж... Значит, память сохранилась... Ну, последняя проверка.

Он сделал ко мне пять шагов, приблизившись практически вплотную, после чего рванул воротник своей прожженной в доброй дюжине мест рабочей кожаной куртки и, с некоторым трудом сдвинув в сторону бороду, обнажил не слишком-то чистую и поросшую короткими темными волосами шею.

– Кусай, – потребовал папа, тяжело вздохнув и даже зажмурив глаза.

Я знаю, что родителей бить нехорошо. Особенно если ты выше их на голову. Но когда они явно повредились рассудком, то, думаю, можно. В профилактических целях.

Удар рукой в подбородок, как учил в детстве нанятый отцом же эльф-тренер по рукопашному бою, затем ногой в колено, и, как завершение, на валяющееся на пол тело полетела сдернутая с кровати простыня. Вязать узлы я умею плохо, но ради такого дела пришлось постараться.

– Не волнуйся, папа, тебя обязательно вылечат, – пообещала ему я, силясь потуже затянуть узел и стараясь не слушать доносящиеся снизу стоны. Часть простыни я накинула ему на голову и потрудилась зафиксировать там. Задохнуться не задохнется, а вот видеть станет намного хуже, а значит, и бросаться на что попало не станет. – Магистр Кирелли знаешь какой хороший специалист в магии разума? Он почти архимаг и меня, между прочим, считает перспективной ученицей! Будь уверен, легкое безумие он убирает так же просто, как ты снимаешь ржавчину с металла. Раз – и готово. И это совсем не больно, ты даже не почувствуешь ничего.

– Клер, – донесся приглушенный голос отца из-под импровизированного капюшона. – Развяжи меня! Я все объясню!

– Конечно, папочка. – С сумасшедшими лучше не спорить, это любой дурак знает. С ними нужно соглашаться и немедленно звать целителя. Чем меньше ростков успеет в душе пустить безумие, тем легче его оттуда будет выковырять.

Решив наконец, что получившуюся из простыни конструкцию быстро не развязать и не порвать даже полугному, я шагнула к мушкету и разрядила его. На пол посыпались комочки какого-то белого металла, исполнявшие роль пуль. Невольно заинтересовавшись – ну а как вы хотели, вырасти в доме оружейника и не заполучить любовь к стреляющим игрушкам невозможно, – подняла один из них и поднесла к глазам, после чего поняла, что магистр может и не справиться. Родной отец собирался охотиться на свою дочь с серебром, словно она нежить какая. Да еще не простым, если я что-то понимаю в артефактной магии – а я понимаю, спасибо колледжу волшебства, куда меня отдал отец сразу после окончания общеобразовательной школы, – то передо мной самый что ни на есть самородный металл, которому его форму придали холодным способом, то есть без огня, чтобы сохранить максимум природных свойств. Хорошо хоть папа огнемета не взял, а ведь у него есть, и даже не один, только в подвале штуки три разобранными лежит, да еще на чердаке парочка в относительно целом состоянии пылится. Было у него время, когда увлекался технической пироманией, лет двенадцать назад. Помню, какие фейерверки он в детстве для меня делал... А потом прекратил и стал нелюдимым затворником, которого даже родная и прежде любимая дочь видела только по праздникам.

– Ой, как все запущенно, – невольно вырвалось у меня. – Ну ладно, завелись у тебя в черепушке тараканы, и пошел с этой исторической древностью на родную дочь, но серебряную картечь-то зачем зарядил?!

– Потому что ты дампир, – глухо отозвались из-под простыни.

– Что? – сначала я даже не поняла фразу.

– Ты дампир, – повторил отец. – Твоя мать, могущественная ведьма, с которой я крутил роман, подбросившая тебя в двухлетнем возрасте к дверям моего дома, была вампиром. А ты наша дочь. Наполовину дитя ночи, наполовину простая смертная. Наделенные чудовищной силой, природными способностями к магии крови и тьмы, иммунитетом к солнечному

свету и бессмертием, такие дети были редки, но сведения о них в исторических хрониках имеются. И сегодня... то есть уже вчера, ты прошла вторую инициацию из девяти возможных. Посмотри в зеркало.

Я глянула чисто машинально и ничего нового в общем-то не увидела. Отражение высокой девушки с темными, как вороново крыло, волосами и тонкими точеными чертами лица никуда и не думало исчезать. Острый маленький носик, высокие скулы, чуть-чуть больше чем надо бы вытянутый подбородок и самая капелька бледных, едва заметных веснушек, которые меня совсем не портят. Вот, правда, прическа... Космы во все стороны торчат... Потянувшись пригладить волосы, я пораженно замерла, осознав, что что-то тут не так. Отличие от привычного облика отыскалось не сразу, но уж когда я поняла, что не так... Глаза! Мои чудесные карие глаза сменились двумя зелеными буркалами с вертикальным зрачком!

Почему-то я сразу поверила, что папа не сошел с ума и даже не шутит.

Глава 1

Дверь, ведущую в спальню, мы открывали долго. Когда мне было десять... да, десять, точно, отец с чего-то взялся за кардинальную переделку всех замков, засовов, запоров и прочих ограждающих устройств в доме. Теперь открыть их даже с нужной стороны было несколько... утомительно. На это, правда, тогда никто не обратил особого внимания. Гномы, ну пусть полугномы, механикой увлекаются, как люди вином, и запои кипучей деятельности у них бывают регулярно. А то, что он сразу после этого почти перестал разговаривать с дочерью, вряд ли кто-то успел заметить. Слуги у нас всегда подбирались не из болтливых и долго не задерживались. Конечно, удовольствие дорогое, но отец, самый богатый житель нашего маленького городка, мог его себе позволить. И теперь я, кажется, понимаю, зачем ему это было надо.

– Ну наконец-то, – обрадовалась я, когда последний хитрый механизм, клацая своим нутром, заставил засов в руку толщиной убраться в предназначенный для него паз и дверь наконец-то стало возможным открыть хотя бы изнутри. – Какого демона?!

Прямо передо мной стоял небольшой штабель ящиков с динамитом, причем запальные фитили верхних шашек сходились в одном месте, являвшем собой какой-то непонятный, но явно техномагический гибрид, где большой черный кристалл ограненного обсидиана соседствовал с кремниевым замком и какими-то ленточками, пружинами, передаточными цепями.

– Прости, Клер, – тяжело вздохнул из-за спины отец, – но я не мог дать выбраться из нашего дома безумному дампирю. Вот и принял меры... В случае моей смерти эти фитили воспламенились бы, и от нашего дома не осталось бы даже развалин. Пойми, если бы ты сошла с ума, то вырезала бы весь город, а может, и не только его!

– Ты рискнул довериться техномагии?! – У меня аж волосы от страха зашевелились, и на то, чтобы отвернуться от взрывчатки и взглянуть в глаза папочке, потребовалось все мое мужество. Даже не думала, что его у меня столько. – Да ты с ума сошел!

Лучше бы я этого не делала. Отец уселся прямо на пол и стал старательно стаскивать с левой ноги сапог. А под ним кроме портянки, которую давно надо было постирать, так выбросить, оказалась лента эльфийского шелка с нанесенными на нее магическими рунами жизни и кусочком все того же черного обсидиана, излюбленного материала повелителей мертвых. Кошмар! Кто же смешивает изделия перворожденных с некромантией?! Они же не сработают! Или того хуже! Сработают, подняв, к демонам, на воздух наш особняк и, пожалуй, половину близлежащего квартала, так как папочка явно переусердствовал с динамитом!

– Ты зачем связался с техномагией, – оказывается, я умею шипеть не хуже рассерженной гадюки, только куда громче, – она же в половине случаев работает совсем не так, как должна! И, ради всего святого, как можно использовать эльфийскую магическую каллиграфию стихии жизни совместно с обсидианом?! Может, куда проще было бы просто вонзить мне в сердце осиновый колышек и не мучиться?! То, что эта бомба до сих пор не взорвалась, самое настоящее чудо, не иначе, зря я, дура, в богов не верила!

Отец удивился и начал отвязывать от ноги шелковый детонатор, чем едва не довел меня до разрыва сердца.

– Это стандартная армейская связка для устройств самоуничтожения курьеров, переносящих важные донесения, – ответил он. – Я, конечно, во всех этих чарах не силен, механик все-таки, но уж собрать блочную схему по имеющемуся чертежу в состоянии. Конечно, полностью технологическое устройство было бы надежней, но я так и не смог придумать, как же его соорудить так, чтобы можно было обойтись хотя бы без одного помощника. Поскольку доверить твою тайну никому не рискнул, пришлось воспользоваться техномагией! А что, тут что-то не так? Я нарушил какое-то условие производства и не провел нужного ритуала?

Вместо ответа я сорвала с динамита взрывоопасную хреновину и в сердцах запулила ею в стену. Устройство вспыхнуло ярким пламенем раньше, чем успело в нее врезаться. Или отец все-таки отвязал от ноги свое сочетание несочетаемого, и артефакт, перестав улавливать жизнь своего носителя, решил, что тот умер, или просто ненадежная конструкция не стала ждать сигнала и самоуничтожилась от легкого толчка, когда моя рука отрывала ее от фитилей. Точно пойду в храм и пожертвую богам самую большую свечку, которую там найду.

– Упс, – рука папочки скользнула куда-то под бороду и, судя по звукам, принялась затачивать там ногти о напильник, – недоработочка...

То, что горы еще стоят, – это не заслуга гномов, соблюдающих технику безопасности. Просто эти коротышки, обожающие возиться с техникой, еще не сумели открыть рецепт достаточно мощной взрывчатки.

– Больше сюрпризов, которые вот-вот взорвутся, нет? – Чего мне стоило не добавить в этот вопрос пару дюжин... или пару десятков дюжин ругательств, это просто уму непостижимо. Если такие усилия над собой придется делать слишком часто, карьера святой мне обеспечена.

– Завещание, которое должны вскрыть через три дня после сегодняшнего, если я его раньше у нотариуса лично не заберу, – задумчиво протянул папочка. – Но оно, наверное, может подождать. Ах да, еще у меня в кабинете на горелке немного каменной соли второй день на медленном огне плавится.

Если когда-нибудь гном попытается стать темным властелином, у него в дневнике запись «завоевать мир» будет соседствовать с «вынести мусор». Тут динамита хватит для горнорудных работ маленькой шахтерской компании, причем техномагические детонаторы, брр, в комплекте и готовы сработать, а у него эксперимент в разгаре! Хм... а наверное, такой повелитель зла имеет неплохие шансы на успех, в сказках-то они всегда на мелочах прогорают. Подгорный житель, пусть даже полукровка, никогда и ни за что ни об одной даже самой незначительной детали не забудет, причем все лично проконтролирует. Конечно, зато он может составить бредовый и абсолютно невыполнимый план, но претворяться в жизнь он будет с небывалой надежностью и с полным соблюдением процесса.

– Тогда рассказывай, – я покосилась в хорошо отполированную поверхность деревянного шкафа, вполне способную заменить зеркало, – что же я такое. И кстати, где слуги? Они уже должны были набежать всей толпой на тот тарарам.

– Я всех разогнал, – вздохнул отец и медленно пошел по коридору в сторону гостиной, где стояло несколько весьма удобных кресел. Маленькой я любила устраиваться у него на коленях, когда он сидел в одном из них и рассказывал мне сказки. А потом я выросла, и в один ужасный день поведение папочки кардинально поменялось. – Когда тебя принесли, всю окровавленную и еле дышащую, я сразу понял, что ты проходишь вторую инициацию, и озабочился тем, чтобы на территории дома не было посторонних, которые могли бы стать лишними жертвами. Прости меня за мушкет и взрывчатку, Клер, но я должен был так поступить.

Пришлось следовать за ним. Раз уж у нас сегодня день откровений, то стоит наконец поговорить с отцом по душам. Нельзя сказать, что раньше я не пыталась этого сделать, но он просто разворачивался и уходил, чтобы запереться в своем кабинете, откуда выходил в лучшем случае лишь на следующий день.

– Откуда принесли и почему окровавленную? – Мой вопрос догнал его уже садящимся в кресло, волей-неволей пришлось устраиваться в соседнее. – Ничего такого не помню. А вообще, какой сегодня день, что-то у меня голова все еще как в тумане... и... я что, правда дампир?

– Пожалуй, надо рассказать по порядку, – вздохнул отец и, достав из кармана трубку, стал набивать ее табаком. – Так понятнее будет. Ты знаешь, кто твоя мать?

– Какая-то ведьма. – Этот вопрос перестал меня интересовать с той поры, когда маленькая семилетняя девочка поняла, что ее просто бросили как ненужную ношу, спихнув на шею отцу, который о ее существовании даже не знал, пока к его двери не подбросили корзинку с двухгодовалым ребенком. – Она вроде бы приезжала из академии Форт-Дланша, потому как ты в молодости был готов на рискованные эксперименты и согласился делать для желающих остовы некрокадавров. Восстановить утраченное знание не получилось, зато получилось сделать меня. Потом у нее начались проблемы с законом, и она исчезла.

– В общем верно, – вздохнул отец. – Мне в молодости было крайне обидно, что все мое состояние заработано твоим дедом, а не собственными руками, и очень хотелось прославить свое имя. Когда родители погибли, попав под обвал в шахте, которую собирались приобрести, я, после траура, оказался обладателем громадной кучи денег и еще большего количества свободного времени. Но ратная стезя не нравилась, новых месторождений благородных металлов, вызывавших золотую лихорадку, не открывали, а изобретателю, увы, нужны долгие годы экспериментов, и не факт, что они принесут что-то полезное. Когда я краем уха услышал, что какая-то волшебница из столичной академии волшебства ищет мастера, согласного сделать для ее ручной нежити механические улучшения, то ухватился за представившуюся возможность обеими руками, ведь даже такая дурная слава лучше неизвестности. Хеня Микрай, так она себя называла. Никто не знал, кто она и откуда, просто одним прекрасным днем эта молодая, но могущественная ведьма пришла в Форт-Дланш и без особых усилий смогла получить место преподавателя некромантии. Стоило мне написать всего одно письмо, и спустя неделю твоя мать уже постучалась в дверь нашего дома. Ты знаешь, я по росту ближе к людям, чем к гномам, а тогда еще и бородой-то не зарос, только усы и имелись. В общем, красавцем не красавцем, а симпатичным точно был. А она... знаешь, никого похожего на нее я раньше не встречал и лишь спустя очень много лет понял почему. Высокая, стройная, с завораживающей грацией, больше подошедшей бы большой хищной кошке, чем человеку. Если бы не круглые уши, я бы решил, что передо мной эльфийка. У тебя ее черные волосы и большие, прекрасные карие глаза... Не сейчас, конечно, а в обычное время. К тому же мы были уверены в собственной гениальности, полны энтузиазма и энергии. Нет ничего удивительного в том, что спустя примерно полмесяца после начала работ пара желающих прославиться начинающих ученых стала ночевать в одной постели. Наш роман был мимолетным, но ярким, как пламя костра, куда подбросили порох. Я вмонтировал в трех ее зомби, которых Хеня привезла с собой в специальной телеге, обложенных магическим льдом, подкожную броню и пружины, которые должны были усиливать удары их рук и ног, а моя любимая как-то сумела сделать так, что мускулы кадавров могли работать, нисколько не мешая механизмам. Едва дождавшись окончания работ, она помчалась в столицу, чтобы получить заслуженное звание мастера магии за возрождение частички древних знаний... а там ее попытались арестовать. До сих пор корю себя, что не поехал тогда вместе с ней, но наступила годовщина смерти родителей, и я не мог не задержаться, чтобы воздать почести их памяти, посетив могилы.

– За что? – удивилась я. Этот момент в тех сведениях, что я когда-то давно собирала о матери, как-то отсутствовал.

– Ее эксперименты признали аморальными, – вздохнул отец. – Но я так думаю, это был просто повод, что дал бы государству наложить лапу на перспективного мага-исследователя и ее разработки. Ну сама посуди, если подъем мертвецов разрешен, равно как и их эксплуатация на особо опасных для живых производствах, то что плохого в их усилении? Впрочем, возможно, я не все знаю... неважно. В общем, Хеня, когда ее на въезде в столицу окружила стража, сдаваться не пожелала. Наши улучшенные зомби разорвали два десятка солдат, а она убила то ли трех, то ли четырех магов, которые обеспечивали им поддержку, и скрылась в неизвестном направлении.

– А как же ты? – спросила я. – Тебе ничего не было за участие в ее опытах?

– Да что я, – фыркнул отец. – Я же не волшебник, я механик. Сама знаешь, нас властители до сих пор считают чем-то вроде мелких колдунов-артефакторов. Прошел поначалу как мелкий подручный, а после и вовсе переквалифицировался в свидетеля, поскольку не стеснялся дать следователям на лапу и, по мнению магов-ищеек, быть крупной рыбой просто не мог.

Я медленно кивнула. Это было правдой. Темные Времена, наступившие после окончания Эпохи Смерти, когда все живые были поработаны ордами нежити, что однажды схватилась сама с собой и сгинула в пламени магической войны, породили в качестве главенствующего строя абсолютно всех государств магократию в той или иной форме. Где-то власть передавалась по наследству, где-то выбирали самого достойного из нескольких кандидатов, но всегда на престол и хоть сколько-нибудь значимые посты всходили чародеи. И это было логично. Почти бессмертные волшебники, прожившие как минимум несколько столетий, были самыми опытными правителями, на голову превосходящими своих краткоживущих коллег, а до изобретения пороха являлись одновременно и основной ударной силой любой армии. Конечно, сейчас, когда все больший вес набирает наука, их преимущества весьма сильно сократились, но... Если на поле брани со школой магов мог на равных, а то даже и с некоторым отрывом конкурировать артиллерийский батальон, то вот в мирной жизни альтернативы бытовым чарам, лечащим, дающим высокие урожаи и управляющим погодой, не было и в ближайшее время не предвидится.

– Ну выпотрошили жандармы мою лабораторию и забрали чертежи, – продолжал рассказывать папочка, – что, думаешь, у меня копий не сохранилось? Да если бы Хенея вернулась, хоть армию живых мертвецов в почти неуязвимые конструкты перековал бы... Я, не дожидаясь ее визита, нанял лучших юристов, и они смешали тех, кто посмел выдвинуть против нее обвинения, с землей. Клер, можешь потом поднять официальные бумаги, пять чиновников военного министерства, которых их руководители сделали крайними в гибели людей за отсутствием основной виновницы, отправились на каторгу, а мои адвокаты провели все ее действия как самозащиту. О невиновности мастера магии – желанный ей титул оказалось так просто купить – Хенеи Микрай было объявлено глашатаями во всех крупных городах страны, и я был уверен, что ее возвращение лишь дело времени. Но она так и не пришла, хотя я ждал ее. Только почти через три года одним весенним утром служанка притащила мне в кабинет корзину с громко орущим младенцем. К ней прилагалась записка, в которой моя возлюбленная утверждала, что ребенок – наша дочь. Ты. И больше ничего. Ни имени, ни даты рождения, ни слова о том, где сейчас находится сама прекрасная ведьма. Я нанял лучших магов и убедился, что это действительно так, в нас течет одна кровь, после чего официально удочерил тебя и назначил наследницей.

– Ну незнание, под какими звездами я родилась, сильно осложняет постижение ритуальной магии, – задумчиво сказала я, осмысливая услышанное. – Мой день рождения – это дата, когда подбросили корзинку, да? Теперь понятно, почему было столько неудач... Зато стало ясно, откуда имеются такие способности к волшебству... Но ты ни слова не сказал о том, почему я являюсь дампиром. Эта Хенея оказалась кровососом? Или... вампир – ты?!

Если подумать, это объясняло многие странности в поведении отца... секундочку, но ведь оно стало таким через много лет после моего рождения! Или мама вернулась еще раз и укусила папочку?

– Нет-нет, – поспешно уверил меня отец. – Я обычный полугном. Вернее, очень богатый полугном, ставший, хотелось бы верить, не самым плохим изобретателем. А вот Хенея... я... я не знаю. Она никогда не говорила о своем прошлом, а ты... ты совершенно точно не человек, не гном, не эльф и даже не смесь этих рас в любой возможной пропорции.

– Как так? Объясни! – Мое требование вызвало у папочки настоящий шквал эмоций. Он вскочил с кресла и принялся расхаживать из стороны в сторону туда-сюда, дымя трубкой, как паровой котел.

– Барон Кертольф и его гоблинодав, – наконец сказал он. – Ты помнишь их?

– Смутно, – призналась я. – Мне тогда было десять лет, и я очень испугалась, когда эта псина напала на меня. Хорошо, что ты ее вовремя убил. Говорят, эта порода может на равных сражаться с обученным воином, если он, конечно, не закован в латный доспех. Ее вроде бы вывели специально, чтобы избавить леса Локийских болот от гоблинов, которые там кишмя кишат, или же хотя бы ограничить их агрессию по отношению к людям.

– Да, – кивнул отец, – все верно. Несмотря на то что эти зеленокожие коротышки не достигают и пояса нормального человека, они очень опасны, дьявольски ловки, небывало сильны для своих крохотных размеров и, что самое худшее, обладают пусть примитивным, но разумом. А гоблинодавы, как понятно, предназначены для охоты на них. Вот только того пса, напавшего на тебя во время нашей прогулки, я на самом деле не убивал, равно как и его хозяина. Просто не успел. Их загрызла ты. Хорошо, что рядом не было свидетелей, и я взял всю вину на себя.

– Не смешно, – разозлилась я, подавшись с кресла вперед так, чтобы приблизить свое лицо к папочке. – Собак этой породы хоббиты могут вместо лошадей использовать! И некоторые гномы – тоже!

Отец замер и осторожно сделал два шага назад, прижавшись к стене.

– Не нервничай, – попросил он меня. – И, Клер, перестань, пожалуйста, скалиться, твои клыки меня нервируют.

Клыки? Клыки! Какие еще, к демонам, клыки?! Но стоило языком пощупать свои зубы, как я убедилась в его правоте. Две пары отличных, длинных, острых и наверняка снежно-белых, как на картинках из страшных сказок, клыков стали украшением моего рта.

Каждая уважающая себя молодая леди имеет право хоть раз в жизни устроить настоящую истерику, тем более что повод у меня был просто великолепный. Но крайне испуганные глаза отца сработали намного лучше «капель королевы Велгельмины», пользующихся просто громадным спросом у жителей нашего городка, особенно в разгар осеннего сплина, и приносящих доход нашему единственному аптекарю. Во всяком случае, тетушка Нельдис, монументальной красоты женщина, потребляла эти капли просто-таки в пугающих объемах. Шепотки об изрядной доле троллей крови, унаследованной женой мэра от своих предков, – так это просто слухи, распускаемые, видимо, для того, чтобы испортить настроение этой милейшей женщине, знаменитой на весь городок своей выпечкой и периодически устраиваемыми мэру скандалами.

Поэтому я всего лишь прислонилась к показавшейся такой надежной и мягкой стене и принялась по ней сползать, конечно же сохраняя приличный вид и стараясь не терять женственность. Обучение, хоть и краткое, в пансионе мадам Жюли все же оставило свои следы, пусть даже они и были сильно сглажены последующим тлетворным влиянием любимого папеньки. Пристрастившего единственную дочь к возне с разной «стреляющей мерзостью» и научившего, на свою голову, паре-тройке просоленных, как хорошая шахтная крепь, гномских выражений, услышь которые та же мадам Жюли выпала бы в нерастворимый творожистый осадок.

Попытка упасть в обморок была засчитана – мозолистые, но такие надежные руки отца подхватили меня, и, к моему большому смущению, я, как в детстве, неожиданно для себя ухватила его за шею и разрыдалась, уткнув лицо куда-то в район пропахшего машинным маслом и химикатами воротника.

Глава 2

Закрыв на всякий случай глаза, я толкнула дверь храма и переступила порог. Ничего. Впрочем, как и ожидалось. Одним из преимуществ дампиров, помимо способности наплеватьски относиться к дневному свету, если верить прочитанным в папином кабинете книгам, было полное наплевательство к святой магии. Ну если, конечно, ею не был пропитан меч паладина, который и без всяких благословений попавший под него живой или не очень живой организм разрубит с легкостью.

Жрец, стоявший перед стеллажом, на котором было искусно изображено восходящее солнце, скосил в мою сторону глаза, но оторваться от священнодействия не посмел. В полутьме небольшого помещения мягко светящиеся искусственные лучи на стеклянной мозаике притягивали глаз. Никакой магии, просто контраст красок и умело подобранное сочетание светлых и темных тонов. Первые были использованы для неба, светила и людей, вторые – для рассыпающихся во прах личей и вампиров, соотношение которых с простыми смертными было примерно один к одному. Парадоксально, но хотя точно известны причины гибели всей нежити и даже есть главный подозреваемый в освобождении живых от власти мертвых, но конец Эпохи Смерти упорно приписывают вмешательству богов. Не понимаю, но спорить с верующими себе дороже. А уж спрашивать у них, почему в таком случае небожители вообще допустили порабощение Древних и ждали долгие столетия, если не тысячелетия, чтобы вмешаться, – хороший способ затеять драку.

Люди до сих пор не могли сказать, как получилось так, что творения некромантии загнали весь остальной мир себе под палу. О временах, которые были до того, как всех живых разогнали по охраняемым закланиями и тварями резервациям, создав, по сути, фермы, где на убой выращивались представители всех рас, даже сказок толковых не осталось. Слишком давно это было. Слишком хорошо прежние хозяева уничтожили все следы того, что было до них. Нам неизвестно, что было вначале, и даже события конца были записаны лишь спустя столетия после самой катастрофы, упокоившей все немертвое. Отец, которому при воспитании молодой дампирки решительно не хватало общеизвестной информации, собрал о произошедшем тогда все возможные сведения и дал мне ознакомиться с ними. Впрочем, перечитывать штук двадцать книг я не стала, ограничившись небольшой статьей какого-то Эллергреэля, написанной лет сорок назад, в которой неведомый эльф-историк сделал на основании работы всей своей жизни краткий обзор случившегося в те далекие годы.

В Эпоху Смерти власть принадлежала мертвецам. Но они не были тупыми кровожадными тварями, как любят их рисовать в сказках. Нет, это были расчетливые и умные монстры, создавшие свою пусть извращенную, но цивилизацию. Они не допускали в своем обществе стагнации и застоя, непрерывно развивались, совершенствовались в магии и науках. Артефакты, оставшиеся от них, заставляют наших ученых и магов только разводить руками. Ну не понимает в большинстве своем никто, чего это такое и как оно работает, если, конечно, еще не сломалось от времени. В общем, существовали эти твари в свое удовольствие. А также жрали людей. Ну или эльфов, гномов, троллей и так далее, в соответствии с личными предпочтениями и вроде бы даже специально разработанными диетами.

Численность их колебалась в соответствии со строгими законами и не должна была превышать определенного соотношения между едоками и пищей. Для урегулирования споров были широко распространены дуэли. Единичные и массовые. С оружием и магией. Естественно, щадить своих противников, пусть даже таких же мертвецов, нежить не собиралась. Простые кражи и убийства... Нет, пожалуй, все-таки упокаивания тоже имели место, но наказание за них предусматривалось крайне суровое. Вместо погибших по тем или иным причинам немертвые принимали в свои ряды неофитов. Маленькая часть живых, как пра-

вило из числа дальних потомков мертвых, существовала не на правах скота, а являлась эдаким резервом, из которого самые умные, одаренные или же просто везучие пополняли ряды господ. Они владели началами магии, в не слишком больших, правда, пределах, и с самого рождения готовились к смерти и последующему существованию. Некромантов, не прошедших к началу старения сложных испытаний за право обрести бессмертие, но успевших оставить потомство от наложниц, как правило весьма многочисленных, банально сжигали, поскольку родственная кровь является практически идеальным вариантом для большинства ритуалов темной магии и, как следствие, даровала тварям немалое могущество.

К аристократии нежити, полностью наделенной разумом и свободой воли, относились вампиры и личи. Первых было много, вторые отличались исключительным могуществом. Это и послужило поводом к междоусобному конфликту, в котором и сгинули твари. Большинство кандидатов в нежить хотели сохранить для себя все прелести жизни, вроде возможности постельных развлечений или возможности чувствовать вкус пищи, пусть даже основу ее неизменно составляла кровь. Становиться же просто мертвым остовом, обретающим благодаря силе смерти почти всемогущество, желали только те, у кого иного выбора не оставалось. Молодые кровососы уступали мертвым колдунам во всем. Первые несколько сотен лет они даже на солнце не могли показываться, в то время как любой лич, сразу после того как перемещал душу в филиктерий, переставал бояться всего на свете, за исключением угрозы разбить артефакт, от целостности которого зависело его существование. Правда, с течением времени вампиры несколько уравнились в большинстве возможностей со своими оппонентами. И тысячелетнее дитя ночи обрело некоторые шансы выйти победителем в битве с мертвым магом, постигавшим смерть десять веков.

Однажды случилось так, что мертвые устроили междоусобную войну. Фактически не войну даже, а серию дуэлей. Три клана вампиров, решивших расширить свои владения и увеличить количество имеющихся в их распоряжении резерваций с «пищей», надели на обветшавший род личей и стали выбивать всех его представителей одного за другим, пусть и с немалыми потерями. В полном соответствии с законами, разумеется, как иначе. За этим тщательно следили независимые арбитры, готовясь покарать тех, кто попытается сделать хоть шаг в сторону от выверенного временем канона. И последний из мертвых колдунов по имени Окейтеймер, осознавший, что его филиктерий вот-вот разобьют, а прапраправнуков просто съедят какие-то ну совсем посторонние клыкастые уроды, решил унести всех врагов с собой в могилу, откуда те уже не встанут. Он, воспользовавшись форой, которую дал ему выигрыш в последней дуэли, до начала следующей разработал проклятие чумы крови. И применил его в своем последнем бою, самостоятельно лишившись посмертного существования, но уходя в небытие с уверенностью, что обескураженные добровольной гибелью противника вампиры обязательно прочтут в его дневнике, какая ужасная участь их ожидает. Кровососы действительно записи мага внимательно изучили. И не поверили им. До первого заболевшего. Который появился лишь спустя десять лет.

Окейтеймер был безусловно гением. Он смог создать мор, который поражал не живых, но мертвых. Причем только вампиров. И проявлял себя лишь через несколько лет, когда больной успевал передать чуму крови такому количеству сородичей... Клыкастые повелители мира медленно сгнивали, не в силах справиться с изощренными чарами окончательно умершего лича. Сначала начинала шелушиться и облазить кожа, потом, спустя примерно недели две, она шла пятнами и расползалась дурно пахнущей слизью, отпадая от костей. Кровососы отличались изрядной живучестью, причем, чем старше они были, тем сложнее им было отправиться на тот свет. Некоторые могли сохранять свое существование пару-тройку дней даже в виде кричащей от боли и ужаса лужи слизи. Попытки лечения не помогали. Все мертвые колдуны как один, клыкастые и нет, расписывались в собственном бессилии. Возможно, будь у нежити более крепкие нервы, они справились бы с напастью. Но монстры, привыкшие

безнаказанно отбирать чужие жизни и уверенные в том, что будут жить вечно, впали в ужас при виде близкой и неотвратимой кончины. Неизвестно, какой именно вампир первым напал на лича, отбросив в сторону правила дуэлей, но его примеру последовали практически все остальные сородичи, нашедшие виновников происходящих с ними ужасных метаморфоз. Мертвых колдунов просто смяли числом и разбили все их филактерии до единого. А затем, спустя пару месяцев, все клыкастые победители окончили свое существование. Исцелить их оказалось некому.

Низшая нежить, охранявшая границы резерваций с «кормом», недолго смогла существовать без своих повелителей и спустя десятилетие-другое просто развалилась на куски. Выжившие в хаосе катастрофы, когда умирающие вампиры, впад в кровавое безумие, уничтожали все, что под руку подвернется, некроманты оказались недостаточно подготовлены, чтобы взять власть в свои руки. Люди, эльфы, гномы и прочие народы долго еще не осмеливались выбираться из своих резерваций и выполняли правила, установленные теперь уже окончательно мертвыми хозяевами. Но никто больше не сокращал их поголовье, и им стало тесно в своих границах. Пришлось расширяться. И пугливые слухи о том, что мир снова принадлежит живым, оказались правдой.

Естественно, не какой-то там свихнувшийся лич, а боги, жрецы которых немедленно появились как из ниоткуда, оказались «виновны» в избавлении от ига мертвецов. Они обладали силой. Святой силой, которая прекрасно помогала бороться с оставшимися тварями, все еще бродящими кое-где по земле, и немногочисленными живыми магами смерти. Последние, кто поумнее, быстро снимали с себя фамильную символику и замаскировались под чародеев-самоучек без особого, впрочем, труда. Ибо мертвые не учили живых мало-мальски сложным чарам, и если те пытались проявлять инициативу, то просто сжирали чересчур самостоятельных волшебников. А потому в те времена магия начала возрождаться практически с полного нуля, и до высот, которыми, судя по косвенным свидетельствам, владели Древние, мы дойдем еще очень не скоро. Если вообще дойдем. Служители храмов, постепенно набирающие мощь и силу, на чародеев смотрят неодобрительно. И лишь народная память, в которой сохранился опыт поколений, словно воспоминание о тех временах, когда боги со своими слугами просто-напросто отсутствовали, оставив смертных на растерзание тварям, сдерживает их стремление избавиться от чародеев и ведьм.

Планируя поход в храм, я специально подгадала момент так, чтобы попасть именно на службу. Очень хотелось убедиться в почерпнутых из копий древних фолиантов знаниях. И найти несоответствие между описанными там признаками и своим собственным телом. Но, увы, моя последняя надежда на то, что в жилах дочки полугнома и таинственной ведьмы может плескаться капелька демонической крови, на которую можно было бы списать все произошедшие изменения, превратилась в прах. Тифлинги в нашем мире были редкостью. Гигантской. Но время от времени попадались. Вампиры, а также малочисленная прослойка живых некромантов в Эпоху Смерти считали престижным держать дома наложниц-суккубов. Последние, бывало, делали им детей, обладавших неплохими задатками к темной магии и некоторыми индивидуальными внешними отличиями от простых смертных. Исчезли немертвые кровопийцы и их живые слуги, но их потомки все еще нет-нет да «радовали» родителей рожками, хвостиками, клычками и иными деталями, обычным людям и эльфам в общем-то несвойственными. Раньше их убивали на месте, зачастую вместе с папами и мамами, но последние лет триста накал страстей по отношению к магам смерти спал. Люди стали готовы терпеть некромантию и тех, кто ее практикует. В столице ей даже учат. У меня тоже есть к ней некоторые способности, правда неразвитые. В нашей глухомани и наставники по магии воды и разума нашлись-то с трудом.

Так что слушать заунывные песнопения священника, тембр голоса которого роднил его с неким парнокопытным с бородкой, меня заставляла не глубокая религиозность и уж тем

более не страсть к музыке. Получив зачатки, как я считаю, неплохого музыкального образования в пансионе мадам Жюли, слушать без слез то, что выдается за священные гимны, просто невозможно. Буквально все сольное выступление козлоподобного жреца в просторных ниспадающих одеждах, оттопыриваемых довольно заметным пузом, мне приходилось с огромным трудом сдерживать накатывающую на меня волнами зевоту. И контролировать правую руку, которая сама по себе ползла к папенькиному подарку.

Папенька у меня, несмотря на часть человеческой крови, по сути своего характера все-таки стопроцентный гном. Поэтому и подарки у него соответствующие. Ожидать от него набора румян или шляпки с пером стрижа – они только-только вошли в столичную моду, о чем говорили дошедшие до нашего захолустья с более чем месячным опозданием журналы, – просто нереально. Так что шляпку и отороченную мехом амазонку мне пришлось покупать самой. Без смеха вспомнить тот случай, когда отец, еще в моем глубоком детстве, пытался сам подобрать мне фасон платья, лично я не могу. В нашем городе есть даже целых пять дамских портных, не считая белошвеек. И как можно догадаться, папа вместе с любимой дочуркой заглянул в гости к самому респектабельному. Вот спрашивается, как же угрозило нашу экономку Фани заболеть именно в этот момент? Ну а отцу соответственно втемяшилось заказать дочурке на день рождения платьице. Так я еще никогда не смеялась.

Элефиаль лек Бри, как сразу видно по имени, эльфийский полукровка, наверное, до конца жизни не сможет забыть папулины требования к платью «маленькой принцессы». До сих пор мы с ним периодически обмениваемся взглядами настоящих заговорщиков и многозначительно раскланиваемся при встрече. Нет, не в том смысле, что этот полуэльф был бы в моем вкусе. Хотя, разменявший уже одиннадцатый десяток, затянутый в матово-черный фрак с всегда кристально белой сорочкой и шейным платком из шелка скальных пауков непередаваемого серебряного оттенка, он был просто неотразим для стареющих вдовушек, конечно же когда вылезал из своего салона на белый свет, что бывало крайне редко.

Ну так вот, папино требование к фасону, особенно касающееся корсета из стальных пластин толщиной в одну десятую дюйма и накладных кармашков из толстой виверновой кожи, запомнилось полуэльфу на всю оставшуюся жизнь. Так что после этого случая к папиным подаркам я отношусь крайне осторожно. Правда, от подаренного на совершеннолетие до сих пор в полном восторге. Вороненая прелесть весом всего в три четверти фунта, покрытая тончайшей гравировкой из эльфийских древесных рун, как влитая лежала в моей ладошке. Новомодный «дамский» двадцать второй калибр, придуманный парочкой свихнувшихся на огнестрельном оружии эльфов, был, конечно, крайне несерьезен, на взгляд папы, но благодаря практически отсутствующей отдаче подходил для молодой девушки лучше всего. Поэтому в свою «Амели», а именно так звали модель восьмизарядного револьвера одинарного действия производства «Сэйлери&Валиэль», я просто влюбилась. А уж после того как под чутким руководством отца моя красотка получила механизм двойного действия и увеличенный на два дюйма ствол – молодая леди обрела свое постоянное место у меня под подушкой. Хотя отец как истинный гном до сих пор сватает мне двуствольный дерринджер совершенно сумасшедшего калибра в три четверти дюйма, от своей малышки я не откажусь ни за что на свете, даже за предлагаемые папенькой в комплекте с ним очаровательные перчаточки из шелка кристаллических пауков.

Так уж исторически сложилось, еще с тех самых пор, когда власть нежити только-только закончилась, что выйти в общество безоружным является просто-таки неприличным, хотя в последнее время появилась тенденция ко всяческой маскировке оружия – начиная от однозарядных капсюльных пистолетов в трости или потайного лезвия в веере. Так что моя прелесть, уютно расположившаяся в расшитой серебром кобуре на левом бедре, буквально сама собой манила прохладой своей рукоятки. Особенно в разрезе той мысли, что блеяние этого святоши раздражало меня все больше и больше, а пузико – по-другому назвать этот

провисший, явно не благородный гномий пивной, а выпирающий из-под хламиды какой-то дряблый животик было просто нельзя – просто-таки просило хоть пару пулек из моей красоты. Может быть, после этого интонации блеяния сменятся, и священник наконец-то обретет музыкальный слух – хотя бы для услаждения моих ушей своими воплями.

Вот у папы благородное гномье пузо – налитое мышцами и тугое как барабан. Как выражаются сами гномы: «Не пиво для пуза, а пузо для пива!» Поэтому в гномьей среде новомодные эльфийские фраки и не прижились, папа, да и все мои знакомые гномы предпочитают кафтаны, так как гном во фраке по меньшей мере смешон. А этот святоша мало того что покрыт складками, так еще, скорее всего, за всю свою жизнь ни разу не занимался хоть каким-либо физическим трудом. В него даже стрелять, наверное, противно, хотя и хочется.

Как представляю, что после попадания пусть и маленькой, но зато довольно быстрой безоболочечной свинцовой пули моей малышки из него может брызнуть вот все это сало, становится крайне противно. «Хоть и *невместно* молодой леди о таком думать» – любимая присказка мадам Жюли вспомнилась как будто бы сама собой. «Насекомое, доставляющее неудобство благородной леди, должно быть стерто с лица земли» – эта фраза из уст управляющей пансионом тоже пришла мне на ум и заставила появиться на моем лице легкую улыбку, которой, и в особенности очаровательными ямочками на немного покрасневших щеках, так восторгается мой папа и большинство встреченных мной молодых джентльменов.

Жрец затянул последние рулады своей молитвы, прославляющей всех четырех богов: Оссета, бога света, Орона, бога процветания и богатства, Лаэру, богиню плодородия, и Кестета, судью мертвых. Ни при произнесении имен небожителей, ни при легком неестественно-белом свечении витража, показывающем, что молитва услышана, в моем организме не дрогнула ни одна жилка. Значит, я точно не тифлинг. Те на святую магию, пусть она и направлена не на них, а просто есть поблизости, реагирует негативно. Не в прах рассыпаются конечно же, но приступы мигрени или там нервной почесухи бывают у них обязательно.

– Чего тебе, дитя? – Слуга богов, наверняка жаждущий пожертвований, с окончанием своего священнодействия развернулся к посетительнице так быстро, как только смог. Ну еще бы! Дочка самого богатого жителя города не та персона, приход которой можно проигнорировать, если на храме еще нет золотой крыши с алмазной инкрустацией.

– Свечку пришла поставить, – хмыкнула я, вспомнив об обещании, которое сама себе давала совсем недавно. – Самую большую, что есть. В благодарность богам за помощь при взрывотехнических работах.

Через полчаса, кое-как отбившись от нравоучительной лекции о том, как боги любят чад своих и как лично он, настоятель данного храма, поминает вот так буквально ежедневно в своих молитвах все население нашего городка, я вырвалась из душной, наполненной запахами благовоний церкви, с облегчением вдохнула полной грудью (настолько, насколько позволил новенький корсет из виверновой кости) внезапно показавшийся таким сладким воздух и направилась в сторону дома, тщательно обходя лужи и разбросанные тут и там по мостовой конские кучки. Все же мэр хоть и хороший, для человека конечно же, хозяйственник, но муниципальные дворники, следящие за чистотой улиц в нашем городе, поразительно ленивы. По-моему, или мэр все-таки экономит на чистоте, или в городе завелось просто нереальное количество гужевого транспорта.

По пути домой как-то само собой «заглянулось» в шляпный магазинчик, кондитерскую и оружейный магазин братьев Керманов из клана Рыжебородов. У этих вполне себе приличных гномов обычно можно было найти в продаже все, включая осадную мортиру. Впрочем, немного привираю, что для девушки простительно, – мортиру придется заказывать за совершенно чудовищные деньги и минимум за полгода. И вообще я заглядывала к ним не за этой громышалкой калибра «чтоб гном влез», а за заказанными на прошлой неделе накладками

на рукоять моей «Амели» и коробочкой усиленных патронов с полуоболочечными экспансивными пулями. Для воскресной стрельбы по воронам, да и для путешествия они намного лучше, чем со свинцовой безоболочечной пулей. Те хотя и осалены, но после второго-третьего барабана так засвинцовывают ствол, что его приходится чистить медным ершиком, чтобы освободить нарезы. Хотя папа и утверждает, что всему виной моя любовь к большим навескам бездымного пороха и, мол, поэтому пули просто слетают с нарезов. Фигушки. Просто этот старый консерватор не понимает всей прелести переменной нарезки, да и оболочечные и полуоболочечные пули благодаря большей прочности замечательно себя чувствуют. Во всяком случае, такого разлета и плевков свинцом, как у безоболочечных (правда, при моей любимой усиленной навеске), не наблюдается.

Отдав пару серебрушек радушно встретившим меня братьям и получив не только свой заказ, но и еще сопровождение в виде мальчонки-курьера, получившего наказ сопроводить молодую барышню и моментально подхватившего мои покупки, я через некоторое время все же дошла до ворот поместья.

– Доброе утро, леди, – поприветствовал меня садовник, убирающий листву с такой неповторимо медленной грацией, словно у него впереди была вечность. А ведь он, между прочим, был никак не эльфом, а обычным человеком, и даже совсем не пожилым, которому подобный черепаший темп можно было бы простить. Непорядок.

– Если будешь так работать, зима наступит раньше, чем закончишь, шевелись быстрее! – прикрикнула на него я. – И вообще, что ты тут делаешь? Отец же вроде бы дал всем слугам выходной на три дня.

– Да? – удивился садовник и, распрямившись, уставился на меня широко раскрытыми глазами. – Ой, правда, а я и забыл... Но раз уж начал, не останавливаться же на середине, правда, леди?

И продолжил свое занятие, причем, кажется, двигаясь еще медленней, чем раньше. Но теперь требовать от него правильного выполнения работы было как-то... неловко. Выходной все же.

– Ну как? – Отец ждал меня буквально на пороге и распахнул дверь едва ли не раньше, чем я успела позвонить в новомодный электрический звонок, который папе подарили на членском собрании изобретателей и цеховиков нашего города. То есть, проще говоря, тех, кто занимается технологией, а не магией.

– Ничего, – покачала головой я.

– Так и знал, – тяжело вздохнул он, закрывая за мной дверь. – Да... Ты совсем взрослой стала. Эх, как я надеялся, что не пройдешь второй инициации, ведь тогда бы ты осталась простой смертной, и у меня были бы внуки...

– Ну какие мои годы, – беззаботно отмахнулась рукой я. Дети... мысль о том, что они у меня могут быть в ближайшее время, выглядела еще большей фантастикой, чем явление клыкастой мамочки прямо из-под земли. – Успею еще.

– Нет, – покачал головой отец. – Клер, чем ты меня слушала? У чистокровных вампиров дети бывают. Редко. Очень. Далеко не каждый тысячелетний кровосос мог похвастаться хотя бы одним ребенком от смертного партнера. Но их потомки всегда рождались бесплодными.

Глава 3

И знаете, что было утром? Утром мой обожаемый отец, неспешно прихлебывая утренний... назовем это чаем, наконец-то соизволил вспомнить о такой буквально не заслуживающей моего внимание информации, как получение письма из столичной академии. Правда, мило?! После вчерашнего! Вот только этого не хватало! Чего мне стоило не прибить дражайшего папу на месте – просто нельзя было передать словами. Во всяком случае, причисление к лику святых мне не грозило только из-за моей любви к оружию и крайне запутанного, как выяснилось, происхождения. Вдобавок он уже умудрился посеять конверт у себя в мастерской и пару раз прожечь его то ли кислотой, то ли брызгами металла. Хорошо хоть текст, за исключением нескольких лакун, был вроде бы удобочитаем. Иначе – грр!!!

Вот в чем явно проявляются гномские корни моего отца, так это в полном спокойствии, которое накатывает на него после пары кружек подгорного темного, кое он по извечной традиции, оставшейся еще с бурной юности, потягивает по утрам. Доказывая при этом, что молодой леди это, мол, «невместно», полностью сходясь при этом во мнении с нашим дворецким Рональдом. Вдобавок каждый уважающий себя гном или имеющий хорошую долю гномьей крови полукровка отличается просто парадоксальным отсутствием страха к уже известным и опознанным вещам. Ну динамит, ну горный обвал – так известные и понятные вещи, чего дергаться-то? Ну оказалось, что дочка наполовину вампир, на четверть гном и на четверть человек, – ну и что с того, чего дергаться-то?

Так что, с удовольствием сдвув белоснежную шапку пены, в ответ на мое рычание, как-то само собой вырвавшееся из моего горла, отец только развел свои мозолистые руки, не выпуская при этом выточенную из цельной хрустальной друзы пивную кружку весом в оголовок хорошей кувалды, и виновато пробасил:

– Дочь, ну ты сама помнишь, на каких я вчера был нервах, ну не до письма было!

Тут я с ним согласилась. Оказавшись наедине с дампиром, который вполне способен сойти с ума, можно забыть не то что о письме – о необходимости бежать подальше или достать оружие. И то лица с некрепкими нервами не факт, что вспомнить смогут. Да, как ни грустно это признавать, но дорогая мамочка, чтоб ей икалось, была кровосоской.

Вчера, после того как тихая истерика кончилась, спустя всего полчаса тренировок, я сумела вернуться к человеческому облику. И еще спустя час снова научилась отращивать себе клыки, зеленые глаза и, как оказалось, очень длинные когти, но почему-то не только на руках, но и на ногах. Любимые туфельки ими чуть не порвала. Ощущения при этом были... странные. Несвойственные человеческому организму детали жутко чесались и росли не молниеносно, а довольно медленно: чтобы полностью принять вид того, что отец назвал «боевой трансформацией», оказалось, нужно не меньше пяти минут. И раз полугномы-механики такими способностями не обладают, то они передались от мамочки. Которая была вампиром. А скорее всего, и до сих пор есть.

Отец мне вчера поведал о том, что у старых вампиров имеется особая способность, так называемый вечный сон. Они могут впасть в промежуточное состояние между своей нежизнью и обычной смертью и лежать подобно тривиальному, но очень-очень медленно гниющему трупу столетиями, а то и тысячелетиями. Была в Эпоху Смерти парочка кровососов, которые таким образом от смертных врагов еще во времена Древних спрятались, а потом очнулись уже на земле, где властвовали немертвые. С началом чумы крови некоторые попробовали спастись так, и они действительно не умерли... тогда. А сдохли спустя пару дней после пробуждения, ведь болезнь уже поразила их тела. Была в истории пара случаев, когда археологи вскрывали их крипты и были сожраны, а пришедшие на их поиски находили характерную лужу слизи. Иногда еще живую. Ну то есть немертвую.

Вероятно, Хеня Микрай, или как там ее на самом деле, поступила таким же образом, вот только она каким-то чудом умудрилась остаться неподверженной магическому мору. Может, просто раньше его начала спать легла, по каким-то своим причинам. А когда проснулась, заразить ее оказалось банально некому. Возраст мамочки папа определить затруднился. Где-то между полутысячей и тысячей. Прямой свет она выдерживала без малейших последствий, но сильно не любила. Папа, немного поотнекивавшись, сознался, что она первый раз потащила его в койку после того, как он три дня подряд пытался повести ее на прогулку. Днем.

– Но как мне теперь туда ехать, пап? – спросила я у отца. – Я же... ну же... ну ты понял, да?

– Спокойно, – махнул рукой богатый полугном. – Я все учел. Современные маги, как выяснилось, вампира не опознают, даже если он вместе с ними работать полгода будет, а дампира-то и в Эпоху Смерти отличить от человека не каждый лич мог. Потому их, кстати, тогда столько и было, несмотря на громадную редкость ситуации, когда у смертного и кровопийцы рождался ребенок, – очень уж убийцы из них получались хорошие. Почти идеальные. Пока ты росла, я собирал сведения о вампирах и артефакты, оставшиеся от них же. У меня есть все, что тебе нужно. – С этими словами хозяйственный папочка извлек откуда-то из глубин своего камзола совершенно очаровательный кулончик в виде маленького дракончика, сжимающего искрящуюся на солнце небольшую рубиновую капельку, на мой не избалованный драгоценностями взгляд, примерно полкарата, почему-то бриллиантовой огранки. Причем не ординарной (хотя использовать именно бриллиантовую огранку для рубина – это в большинстве случаев загубить камень), а судя по фасетам и площадке, королевской, на сто сорок четыре грани. Конечно, игра камня при таком странном выборе огранки сильно пострадала, но сам факт столь сложной обработки такой миленькой прелести интриговал и сильно повышал ее ценность просто из-за вложенного неведомым, хоть и дурным ювелиром труда. Причем, судя по перехлесту фасет, это, скорее всего, был гном.

– Ну и что это? – заинтересованно подалась вперед я, мысленно уже примеривая вещицу к своей шее. Ну не на себя же отец ее надевать будет, верно? Любовницы у него нет, а периодически навещаемым «дамам» из борделя (о наличии которого в нашем городе приличная девушка вроде как и догадываться не должна) однозначно жирно будет.

– Безумие крови! – торжественно провозгласил отец. – Артефакт вампиров, сделанный в Эпоху Смерти!

Надевать побрякушку как-то сразу расхотелось. Да и вообще к украшениям я почти равнодушна, это же не оружие.

– Ну и зачем оно мне? – Кажется, скепсиса в голосе хватило бы, чтобы отравить озеро приличных размеров.

– Ну эта вещица помогает контролировать Жажду, – поведал отец. – Увидел его у одного коллекционера пять лет назад и... купил. Задорого.

То, что он врет, было видно сразу. Родной дочери во всяком случае.

– Отлично, – вздохнула я. – Ты хочешь подарить мне ворованную висюльку. Меня с ней на шее хоть стража не схватит?

– Ну изначально это была заколка, мне пришлось немало потрудиться, чтобы переделать ее, не затронув основы артефакта, в кулон, – сознался папочка и осекся. – Кле-эр... это что, ты мои мысли читаешь?

Как он с таким неумением лгать не разорился еще? Наверное, богам тайком много жертвует. Очень много. Такую удачу задешево не пошлют.

– Нет, догадалась просто, – отмела его предположения я. Телепатия была пока не по моим способностям в магии разума. Чужие эмоции и то, бывает, между собой путаю. – Ты лучше скажи, что в нем полезного.

– Ну, – отец полюбовался игрой света на гранях камня, – такие вещи вампиры надевали на молодняк, который еще не мог контролировать свою Жажду, на раненых, у которых инстинкты самосохранения, требующие выпить ближайшего живого независимо от тела, нередко даже находившегося в бессознательном состоянии, работали и во время особо сложных ритуалов жертвоприношений, когда от большого количества крови вокруг у них в прямом смысле слова рассудок терялся. Пока он будет у тебя на шее, ты будешь полностью себя контролировать, невзирая на полученные раны, травмы, усталость и прочие причины обострения Жажды, а значит, можешь не бояться случайно загрызть кого-нибудь.

Вот обрадовал, называется. А значит, без артефакта я уже могу на первого встречного с гастрономическими целями кинуться, да? Хотя... наверное, могу. Клыки-то есть. Вернее, могут вырасти. Самой Жажды я, правда, пока еще не чувствовала ни разу, но, судя по книгам, с дампирями такое бывает. Мы можем годами не пить крови. А потом высушить первого встречного.

– Еще у меня для тебя есть Фляга крови, – продолжал отец. – В ней она не испортится даже за сотню лет и храниться будет куда больше, чем может показаться на первый взгляд. Ну ты ее видела и даже пила из нее. Дорогая, зараза, но я ее все-таки купил. Именно купил, не смотри на меня так. Есть в столице места, где подобными вещичками через третьи руки незаконные археологи торгуют.

Это та, которую он мне в зубы совал сразу после пробуждения, что ли? А что значит «куда больше, чем может показаться на первый взгляд»? Неужели...

– Это что, артефакт со свернутым пространством? – с недоверием уточнила я.

– Угу, – явно довольный собой, кивнул папа. – Настоящая редкость, правда?

Я только и смогла сделать, что кивнуть. Подобные вещицы даже во времена, когда миром правили вампиры и личи, были далеко не у каждого. В них можно было носить, не чувствуя веса поклажи, абсолютно все, что удавалось запихнуть в волшебный предмет. Незаменимая вещь для путешественников, военных, ну и конечно же контрабандистов. Вот только, как правило, весьма хрупкая, не переносящая использования на протяжении многих сотен лет. И не воспроизводимая современными магами принципиально. Такие артефакты можно встретить лишь в сокровищницах и арсеналах королевств и крупнейших магических орденов. Ну или у тех, кто ищет следы, оставшиеся после Эпохи Смерти, и грабит могилы с риском нарваться на сторожевое проклятие.

– И как же тебе удалось ее достать? – все еще продолжала сомневаться я. – Нет, денег-то у нас хватит, конечно, и не на такое, но чтобы купить незаметно, так, чтобы даже слухов про подобную вещь не просочилось...

– Неликвид, – пожал плечами папа. – Хоть туда залить и четыре бочки можно, но горлышко-то узкое, туда, кроме жидкостей, ничего не влезет. Хм... хотя золотой песок еще можно попробовать затолкать, но у нас в стране нет россыпей... Да к тому же многих покупателей отпугивает, что из нее пили кровососы и тот факт, что именно они оттуда пили.

А, ну да. Для обычного человека, эльфа или гнома это должно быть неприятно. А я... ну чего уж там. В общем, любимый отец угодил с подарками. Во всяком случае, теперь вероятность того, что озверевшая от учебы студентка столичной академии (за поступление в которую еще надо заплатить кругленькую сумму более чем в полторы тысячи золотых) не загрызет на сессии какого-нибудь из экзаменаторов, стремится к нулю.

Отставив в сторону тончайшую фарфоровую чашечку с собственноручно, из-за временного отпуска дворецкого, заваренным жасминовым «Ферезель&Ксантос» первого сбора, я устремила в сторону любимого папочки подозрительный взгляд поверх вазочки с пирожными. Уж слишком все вовремя... ненавижу, когда из меня делают дуру, чем любимый родитель сейчас и занимается. Нет, при желании у меня замечательно получается хлопать ресни-

цами и восхищенно внимать рассказам молодых джентльменов, пытающихся познакомиться с самой престижной невестой нашего города, в кафе или в музыкальных салонах...

На прошлой неделе молодой барон Доусон в салоне мадам Силфии устроил совершенно очаровательную лекцию о принципе работы новейшего парового дилижанса, умудрившись перевернуть абсолютно все, что можно, повеселив меня этим в немалой степени. Нет, это было просто восхитительно. Недавно приехавший из столицы для лечения столь модного в кругах столичных денди сплина, этот юноша очень мило распустил передо мной хвост, пытаясь захватить толику моего внимания и, чем проклятый не шутит, добиться некоей благосклонности. Красив, конечно, шельмец, но если бы он знал, как я не люблю излишне самоуверенных пустословов, озабоченных в большей степени оттенком своего лица и соответствием внешнего вида последней моде, чем реальными делами и достижениями.

Так что пришлось над ним немного посмеяться, уличив его по окончании лекции в полном незнании предмета, о котором он с таким пафосом рассуждал. Видимо, его никто не просветил, что восторженно хлопающая ресничками красotka, расположившаяся поближе к увитой плющом балюстраде, а значит, к прохладному и чистому вечернему воздуху, имеет в отцах не только «самого главного денежного мешка» нашего города, но и по совместительству – довольно известного в кругах Королевского общества естествознания механика и вдобавок полугнома, хоть и отказавшегося от кланового родства. Бедный сэръ Доусон. Выражение его лица стоило испорченной первой половины вечера.

Вот в связи с этими мыслями я смотрю на родного папочку и думаю: неужели он считает меня такой непроходимой душой? Многодневная подготовка, слуги, отправленные в отпуск, все эти редкие артефакты и совершенно «внезапное» письмо из академии? Да он издевается, что ли?!

– Сознаться, – потребовала я от отца. – Что не так? Где подвох?

– В смысле? – попытался изобразить из себя оскорбленную невинность он. Из гномов плохие актеры во всех случаях, когда дело не касается яростного торга за десяток-другой монет. Из полугномов тоже.

– Ты скопил артефакты, без которых дампирю трудно прожить. Ты купил мне место в столичной академии волшебства, да-да, не отводи глаза, если уж матери умудрился диплом мастера выбить, то зачисление на его фоне кандидатки, умеющей хотя бы говорить, вообще незначительной мелочью выглядит. Ты предполагал, что я рано или поздно пройду эту долбаную вторую инициацию. Почему?

Отец тяжело вздохнул и залпом выпил то, что плескалось в его кружке.

– Полтора года назад, – тихо ответил он, – от одного чиновника мне поступило письмо. Я платил ему во время поисков Хенеи за разные услуги. Неофициально, разумеется. Но ничего так и не нашли. Тогда. Зато сейчас... наша доблестная контрразведка, чтоб ее камнями придавило, неожиданно зашевелилась в направлении поисков пропавшей без вести волшебницы, овладевшей тайной создания улучшенной нежити. Очень активно зашевелилась, я бы сказал. Ее видели. Не знаю кто. Не знаю когда. Но совершенно точно знаю где. В нашем городе.

– Она... хотела вернуться? – Слова застряли у меня в горле и наружу пробились с большим трудом.

– Вряд ли, – покачал головой отец. – Хотела бы – вернулась. Я бы открыл ей дверь. Даже теперь, когда достоверно знаю, кто она такая, открыл бы. Да и все байки о том, что вампиры не могут пересечь чужой порог без приглашения, – это просто красивый миф. А чтобы силой не пустить куда-то Хенею, потребовался бы, наверное, кавалерийский эскадрон. Думаю, она приходила посмотреть на тебя, но решила, что еще рано.

– В каком смысле? – чуть-чуть не начала заикаться я.

– Вампиры имеют власть над тем, кого породили, – тяжело вздохнул папа. – Это их природная магия, можно сказать, неотъемлемое свойство. Новообращенные могли любить или ненавидеть подаривших им бессмертие нежизни, но послушаться их не могли просто физически. Это даже не ментальное принуждение, это хуже. Личность полностью осознает себя и находится в здравом уме и твердой памяти, но все указания, даже самые идиотские, выполняет беспрекословно. Высшим вампиром называется тот кровопийца, который смог разорвать подобную связь с породившим его. Дампиры же... дампир подчиняется своим родителям до тех пор, пока те живы. То есть в идеале вечно. Неспособные предать, беспрестанно приобретающие ценный опыт и имеющие большинство способностей вампиров с минимумом их недостатков. Идеальные слуги, за что их так и ценили в Эпоху Смерти.

Отец еще раз глубоко вздохнул, налили себе новую порцию пива и залпом ее выпил.

– Я... я уверен, – произнес он слегка запинаящимся голосом, – если бы ты не прошла вторую инициацию сама, то Хеня приложила бы в свой следующий визит все усилия к тому, чтобы ты это сделала. И у нее бы получилось, это же так просто... Испуг, боль, да все, что угодно, чтобы вызвать ответную реакцию попавшего в стрессовую ситуацию организма... В общем, с тем, что ты изменишься, я смирился. Давно. И попытался подготовиться. Я... я плохой отец. Я боялся тебя и боялся за тебя. Боялся, что ты сойдешь с ума. И до сих пор побаиваюсь. Но я сделал все, что мог...

От вида понуро повесившего голову отца, отвлекшегося в своей печали даже от недопитого пива, у меня глухо защемило где-то в груди, примерно на том месте, где у каждой благовоспитанной дочери, по мнению мадам Жюли, должно биться нежное и возвышенное сердечко. Кое-как проморгавшись и отогнав непрошеную слезу, чуть ли не показавшуюся на свет, я оставила недопитую чашечку, за которую как за спасательный круг цеплялась все это время, и, тихонько зашелестев оборками юбки, как в детстве, плюхнулась на колени к папе, прижавшись к его широкой и такой надежной груди, обхватив мускулистую шею и спрятав свой шмыгающий от внезапно накативших чувств носик куда-то в район пропахшего крепким табаком и мужским потом воротника рубашки.

– Пап... я тебя люблю... ты у меня самый хороший папа на свете...

– Угу, – отец меня в ответ обнял, но своего плохого настроения так и не утратил, – но защитить тебя не могу... Да и никто не может. В нашем мире давно нет темных магов, что могли бы дать защиту от вампира. Ничего, дочка, ты сильная. Справишься. Главное успеешь научиться как можно большему до того, как встретишься с Хенеей. Магии, бою... хорошо бы тебе в войне поучаствовать, но где ж ее взять-то? И парня. Парня найди обязательно, причем такого, с которым горячий роман закрутить не стыдно. А лучше двух.

– Что-о-о?! – Вот чего-чего, но такого я точно не ожидала. Тем более от отца. Парни... Да пошли они! В свои девятнадцать интерес сверстниц к личностям, единственным достоинством которых было ношение штанов, я решительно не понимала, хотя физиологию процесса размножения, разумеется, знала. В теории. Наверное, виной тому была гномская кровь, ведь подгорный народ имеет средний срок жизни лет триста – триста пятьдесят, и в два десятка лет их девочки играют исключительно в куклы.

– Чем богаче и разносторонней будет твой опыт к тому моменту, когда попадешь под власть Хеней, тем сложнее ей будет тебя контролировать, – пояснил отец. – Это проверенный факт, об этом не в одной книге говорится. Если верить древним летописям, некоторые вампиры и дампир, у которых была бурная юность, даже косвенно интриговать против своих хозяев могли. Один из фолиантов, стоящих в моей библиотеке, так и называется: «История о том, как дампир Элейд отца своего к смерти привел». Оригинал ее, между прочим, сам Элейд и написал вроде бы. Так что... если моих ушей достигнут какие-нибудь слухи... бросаться в столицу с топором наперевес не буду. Просто напьюсь и набью в кабаке морду какому-нибудь уроду.

Не понимаю, почему отца в хирд не взяли? Такого... рационалиста среди полноценных гномов днем с огнем искать надо!

– Я... – Только б не сорваться и не нагрубить в ответ. Испорчу все то хрупкое взаимопонимание, которое между нами наконец установилось. – Я ничего не обещаю. И вообще, хватит об этом. Все ценное о вампирах и дампирах, что только мог, ты уже рассказал. Лучше посоветуй, как до столицы добраться.

– Ну до Ингерхейма в нашей карете, – пожал плечами отец. – А оттуда, конечно, поездом.

Конечно. Если куда-то проложена железная дорога, гномы будут перемещаться исключительно по ней. Даже если это дольше и дороже. Ведь от вида паровоза и звуков, им издаваемых, подгорные жители шалеют не хуже, чем эльфы от вида меллорновой пуши. Впрочем, по нашей глухомани так перемещаться, наверное, действительно проще.

– Только сначала нам надо кое-кого подождать, – продолжил отец.

– Кого? – удивилась я.

– Твою компаньонку.

Опять... вот по именно этой причине, да еще из-за отсутствия других родственников мужского пола, кроме отца, я ненавижу путешествия. Ну кто, ну скажите, кто и зачем придумал наиглупейшее правило, что молодой леди «невместно» путешествовать одной – только в сопровождении компаньонки, зачастую преклонного возраста, брата или, на худой конец, кузена. Хотя последнее уже пахнет моветоном и может вызвать довольно неприятные слухи. А слухи – это такая гадость... А уж тем более возможный остракизм и репутация в обществе падшей женщины – нет, и хорошо, что у меня нет кузенов, лучше уж какая-нибудь старая гримза, вероятнее всего похожая на мадам Жюли как близнец. Та хоть и будет пилить меня всю дорогу, но внешне все будет выглядеть в рамках приличий. Как будто бы ее присутствие может хоть как-то оградить девичью честь от покушений. Большинству моих сверстниц, если судить по их рассказам, это как раз не помешало, а в некоторых случаях и помогло. Радует только одно – эта пытка будет продолжаться только до академии, на ее территории и в кампусах студиязусы вынуждены рассчитывать только на себя, что очень раздражает молодых денди и записных модниц.

– Пап, а может, не надо?

– Надо, – бескомпромиссно заявил отец. – Хороший берсерк в телохранителях еще никому не вредил.

– Хороший... кто?! – Если я заявлюсь в академию в обществе регулярно обжиралющегося мухоморами громилы-северянина с двуручным мечом или топором, то можно будет ходить по главной улице столицы, сверкая клыками и примериваясь к шеям прохожих. Моей репутации это уже не повредит.

– Я подумал, что кровавая ярость, которая время от времени неосознанно у тебя возникает со времен первой инициации, очень похожа на знаменитое боевое безумие, – пожал плечами отец. – И давно хотел найти кого-нибудь, кто мог бы тебя поучить этой замечательной вещи, но все как-то не складывалось. И вот два месяца назад я узнал, что Толстушка Хильда, троюродная племянница брата прадеда, которая подобно мне расплевалась с родней, снова вернулась в нашу страну. Она чистокровная гномка и поссорилась с родичами как раз из-за того, что хотела стать воином. Как выяснилось в процессе попытки вернуть беглянку домой – берсерком.

Остаток завтрака прошел в полном молчании. Каждый из нас думал о чем-то своем. Отец дожевывал с мрачно-виноватым видом свое подгорное темное, а я, как и положено молодой культурной барышне, растягивала содержимое свежесваренного чайничка. И только настырная оса, неизвестно каким образом проникшая сквозь прикрывающие окна магические завесы, не обращая внимания на присутствующих двуногих, занятых обдумыв-

ванием каких-то своих, совсем уж непонятных крохотному умишку насекомого, проблем, нагло ползала по хрустальной вазочке. Полосатого грабителя больше всего на свете и уж точно больше ничтожных проблем хозяев этого дома интересовало нежнейшее парфе, к которому я так и не заставила себя притронуться.

Казалось, даже танцующие в утренних чрезмерно ярких лучах солнечного света пылинки прониклись странной гнетущей атмосферой, царящей в гостиной старого особняка. Так что тетушка Хильда – а именно ее настойчивый стук в парадную дверь вывел нас с отцом из ступора – появилась вовремя. Единственная мысль, проскочившая в моей заполненной сожалениями о пропавшей молодости и, несомненно, дальнейшей трагической судьбе голове, моментально вернула непоследовательную и взбалмошную девицу, которой, по мнению мадам Жюли и еще половины городских кумушек, я и являюсь, к действительности: «Ведь есть же новомодный папенькин электрический звонок? Стучать-то зачем?»

Не успела я ощутить всю сумбурность этой мысли, как на порог гостиной в сопровождении отца буквально впорхнула тетушка.

Она была... пухлой. Не зря ее прозвали Толстушкой Хильдой. Этакий широко улыбающийся светловолосый шарик на ножках, до самых глаз закутанный в ослепительно-белый плащ, причем на голове у нее тоже оказалась намотана тряпка цвета первого снега. Учитывая, что пыли у нас на улицах больше, чем золота в казне гномьих королей, вещицы явно были защищены магией. Рост воительницы-берсерка был невелик, мне бы она достала в лучшем случае до груди. Если бы шлем надела. С гребнем. Лицо правильное и довольно миниатюрное, вот только черное... не как у темных эльфов, конечно, но даже папочка, считающий кузнечную копоть лучшей маской для лица, выглядел на ее фоне почти что бледным.

– Ой, а худючая-а... – были ее первые слова, после чего гномка скинула с себя на протянутые руки отца свое странное одеяние, заставив меня пораженно открыть рот. Вместо платья... кофты... да любой нормальной одежды подгорная жительница носила металлический панцирь, обильно изукрашенный рунами. По бокам брони было в специальных захватах пристегнуто по топору. А из-за плеч выглядывало по прикладу чего-то явно огнестрельного и, зная любовь подгорного народа к большим стволам, крупнокалиберного. Теперь гостя уже не выглядела толстой. Ну, может быть, чуть-чуть более чем просто упитанной. Но сказать ей это явно осмелился бы разве что горный тролль. Пьяный до полной потери привязанности к земному существованию.

– Какая есть, – с трудом смогла ответить я. – Здравствуйте.

– И тебе не хворать. – Компаньонка-телохранитель присела на свободное место за столом и, немного подумав, закинула ногу на ногу. Раздался приглушенный лязг. Очевидно, под ниспадающей до пола юбкой тоже таилось нечто, способное шокировать любого ловеласа.

– Так-с, чем нас сегодня кормят? Не поверишь, но пять лет службы в знойном Залистане, где мяса и молока вообще не едят, сделали меня ярой патриоткой и идейным противником вегетарианства.

Кажется, она начинает мне нравиться.

Глава 4

– Дорогая, поверь, мне тоже хочется выйти и поубивать всех этих сволочей. – Доверительное низкое контральто тетушки вернуло меня к реальности из воздушных, наполненных кровью и кусками мяса размышлений о бренности всего сущего.

– Ну что вы! – Моему честному взгляду в этот момент позавидовал бы любой находящийся в суде убийца. Думаю, обладай он такими же густыми и длинными ресницами и невинным выражением глаз, которое так выручало меня в бытность ученицей Наикуртуазнейшего пансиона для истинных леди мадам Жюли, то его моментально бы отпустили, сняв предварительно все обвинения и даже извинившись. – Я всего лишь немного отвлеклась! Эта духота и пыль так выматывает. – После этой фразы я еще и отработала веером на твердую пятерку, изобразив умирающую барышню на последнем издыхании, не забыв при этом одновременно поправить неудобно впившуюся мне в бок «Амели».

Гномка заливисто расхохоталась.

– Выматывает! – не переставая улыбаться, сказала она. – Давай уж начистоту. Ты хочешь выломать эту долбаную дверь, что мешает доступу в карету чистого воздуха. Разорвать воротничок давящего шею платья, да и вообще сорвать его ко всем мертвым демонам. Пнуть грума, чтобы он перелетел через коня и сломал себе шею. Взять самой вожжи и погнать ими этих ленивых купцов, что преградили нам дорогу и ползут с такой скоростью, что когда они наконец остановятся, то падут от старости.

Ну... может быть. Немного. За исключением той части, где говорится об управляющем повозкой.

– За кого вы меня принимаете? – обиделась я.

– За берсерка, чья сила – это злость, ненависть и жажда разрушения, – холодно улыбнулась гномка. – Твой отец уверен в том, что ты такая же, как я, и просил дать пару уроков. А он умный и вряд ли ошибается. И вообще между нами, девочками, – тут тетушка буквально расплылась в доброй искрящейся улыбке, полностью потеряв свой насупленный холодный вид, – мне хочется сделать то же самое. Только я лучше сдерживаюсь, и у меня не возникают такие прелестные клычки, которыми вы, молодая леди, так волнующе прикусываете свои карминовые губы на протяжении последнего часа. Конечно, метод для самоконтроля неплохой, но в твоём случае демаскирует. Но на будущее было бы неплохо завести какую-нибудь безвредную и не привлекающую внимания привычку, успокаивающую нервы. В моём случае это курение. – С этими словами тетушка извлекла из расположенного рядом с ней на сиденье кожаного саквояжа кiset и длинную трубку с довольно толстым, внушающим надёжность даже на первый взгляд мундштуком. – Но вам, молодая леди, хоть вы и на четверть гном, я бы его не советовала, человеческие корни все-таки, а от чахотки сами знаете – даже архимаги не лечат.

– Ой! – Я машинально схватилась за свой спешно захлопнувшийся рот и уже сквозь ладонь пробубнила: – И глаза опять позеленели, да?

– Угу, – спокойно кивнула гномка. – У вас, тифлингов, вообще состояние тела сильно на эмоциях завязано, учти это. Служила я как-то с одним таким в команде... Пока был веселый и злой – удары тролльчих палиц по голове считай что игнорировал, а как узнал, что его подружка к уже имеющимся от рождения рожкам еще пару добавила, так, не поверишь, в кабацкой драке от удара кулака помер. И ведь была-то не сильно... Ладно, хватит об этом. В ярость часто впадаешь?

Слава богам, она приняла меня за дальнего потомка демонов. Впрочем, за кого еще могла? Вампиры и дампиров вымерли от чумы крови поголовно. Почти. Да и у папочки хва-

тило мозгов не особенно распространяться о странностях дочурки. Поэтому будем соответствовать легенде.

– А отец не рассказал?

– Да я не спрашивала, – махнула рукой гномка. – Раз с пистолетом ходишь и никого еще не прибила, значит, себя контролируешь, а не кидаешься на всех подряд. Уже хорошо, если подумать. Холодная ярость берсерка, полученная не путем тренировок, а от рождения, – большая редкость. Да и вообще воины безумия встречаются лишь у гоблинов, северян, ну и, разумеется, у нас, гномов. Изредка.

На этом наш разговор как-то сам собой завял, видимо, общая атмосфера медленно тянувшейся дороги и клубящейся за окнами пыли воздействовала не только на меня одну. Мерное похихивание тетушки Хильды, окутанной клубами яблочного мерлийского, если мне не изменяют память и нос одновременно, и покачивание кареты, мягко переваливающейся на двойных рессорах с патентованными масляными успокоителями, между прочим являющимися предметом зависти почти всех владельцев карет и бричек нашего городка, как-то незаметно меня убаюкало. И к своему стыду, я ненадолго уснула...

Разбудил меня или толчок кареты, или, что скорее всего, легкое прикосновение тетушки.

– Проснитесь, леди, уже подъезжаем. У вас еще есть время попудрить носик. Ведь нам еще надо купить билеты и разместиться в купе. Негоже молодой девушке появляться на людях с таким заспанным, хотя от этого крайне очаровательным, личиком. – После чего Хильда крайне серьезным, даже возвышенным голосом добавила: – Перебьются за просто так глазками вашими опухшими любоваться! Такое сокровище дозволено лицезреть только законному супругу. – А потом до такой степени ехидно подмигнула, что даже мне, еще не полностью отошедшей от дневного дорожного сна в движущейся карете, стали понятны ее дальнейшие мысли и невысказанные слова.

Кажется, я покраснела...

Вопреки моим опасениям в карете удалось доехать до самого перрона и не пришлось пешком пробираться через почти незнакомый город. Пару раз я тут, конечно, была, но все больше проездом. По большой площади, один конец которой упирался в железнодорожные пути со стоявшим на них поездом, слонялся туда-сюда народ. Дамы и их кавалеры были заняты не столько делами, сколько рассматриванием этого удивительного чуда техники и его пассажиров. В нашей глухомани не так много увлекательных зрелищ, и осматривание прибывшего состава вполне могло тянуть на полноценное культурное мероприятие.

– Так-с. – Хильда, выбравшись из кареты, задумчиво огляделась и уверенно зашагала куда-то к паровозу, схватив меня за руку.

– Но касса же там, – попыталась указать я ей на здание с соответствующей вывеской, рядом с которым наблюдалось некоторое скопление народа.

– У проводника возьмем билет, – не сбавляя скорости, ответила воительница. Судя по ее манере тащить за собой груз больше, чем она сама, в тех пошлых анекдотах, что рассказывают о гномах и паровозах, все-таки имеется доля правды. Есть между ними такое сходство... семейное. – Так быстрее будет.

У дверей одного из ближайших купе действительно моментально был найден затянутый в форму пожилой человек с аккуратными седыми усиками, нервно посматривавший на внушительные карманные часы.

Уж не знаю, о чем там с ним договаривалась тетушка, но лично я в этот момент была занята разглядыванием вершины гномского механического гения – паровоза системы «Гобсон и сыновья» с машинами двойного действия, типа 0-3-0. Машинка была, конечно, не особенно новой, но для нашего захолустья, в которое железная дорога дошла только пару лет назад, все равно являлась вершиной технической мысли. И между прочим, система очистки

колосников на этом паровозике – изобретение моего папочки. На первых моделях как раз с зашлаковыванием колосниковой решетки и была связана потеря тяги и крайняя неэкономичность жаротрубных котлов Гобсона. Я, конечно, никогда не лезла в финансовую сторону папулиных изобретений, но, думаю, клан Желеностопов, а именно к нему принадлежит Джерк Гобсон, заплатил за решение данного вопроса довольно круглую сумму.

Кстати, дядя Джерк – он пару раз посещал наше поместье – довольно милый гном с приличным чувством юмора и вдобавок великолепный рассказчик, во всяком случае, о своих детищах он говорил так, что сказки нянечек в сравнении с этим казались полной нудятиной. Хотя в них были и прекрасные принцессы, и верные рыцари, и ужасные страшные маги, но в рассказах этого гнома описание работы кулисного механизма или блока парораспределения было намного интереснее замшелых сказочек, никак не связанных с реальной жизнью. Ой, как же мне потом доставалось от мадам Жюли за увлечения и рассказы, совсем не подходящие для такой приличной молодой леди. Но ничего, теперь-то мне ничто не мешает рассмотреть творение дядюшки Джерка вблизи, тем более что мне на нем еще парочку дней путешествовать.

– Поторапливайтесь, леди, – отступил наконец в сторону кондуктор, протягивая Хильде два билета. Но я уже не хотела лезть в купе, которое изнутри ничем не отличалось от кареты: я потихонечку миновала вагон, пройдя дальше к тому месту, которое намного интереснее, и теперь во все глаза рассматривала колеса паровоза, вернее, маленький цилиндр парораспределителя. Какой-то он был не такой...

– Куда... корова... и-и... паром же!.. – Не знаю, откуда возник этот гном в одежде, покрытой угольной пылью настолько, что она могла заменить ему броню (тем более черный горячий камень, как говорят алхимики-ювелиры, является дальним родственником алмаза), но настроен он был серьезно. Клочковатая, видимо из-за частых подпалин, рыжая борода гневно подрагивала, а в глазах горело пламя презрения к идиотке, сунувшейся к способному обварить ее механизму. О том, что, услышав звук начала продувки золотников, я, естественно, отскочу в сторону, не желая портить кожу и платье, он, вероятно, не подумал, а потому поспешил обложить меня словами из лексикона, который представляет собой своеобразный внутрикастовый диалект всех разочарованных жизнью механиков. Папа обычно использовал его, когда ронял что-нибудь хрупкое на что-то твердое. Или наоборот.

– Сам... и ключ себе в... – ответила я ему с достоинством истинной урожденной Клер Шатраэн Отхильда Дербас Туиллойска. – Кто поставил сюда эту нежизнеспособную техническую химеру?! Какой тупой гoblin сделал трубку парораспределителя из двух кое-как склепанных частей?! Она же пропускает! – И гордо удалилась в свой вагон, под прикрытием весело хихикающей Хильды, оставив впавшего в оторопь механика на перроне рядом с клапаном сброса пара. Надеюсь, он не отойдет от шока раньше, чем машинист начнет продувку. Гномы горячую ванну не любят, так пусть хоть в паровой искупается.

Пока наш старый грум Грыштак возился с многочисленным багажом, приличествующим двум леди в дальней поездке, и переругивался с проводником, пытавшимся минимизировать воздействие лап старого орка на хрупкую полировку вагона, мы с тетушкой успели с удобством разместиться на обитых свиной кожей сиденьях и приступить к увлекательнейшему из занятий – знакомству с попутчиками. Дело в том, что пассажирский вагон гномьего поезда представляет собой корпус дилижанса, установленный на подрессоренные железнодорожные тележки. С точки зрения любого гнома, если есть рабочая конструкция, проверенная временем, так зачем изобретать велосипед? Да и этим изящным техническим решением было убито сразу несколько зайцев: во-первых, резко уменьшились расходы на изготовление вагонов – так на них просто переделывали старые дилижансы, во-вторых, возможное лобби владельцев дилижансных линий тоже поимело некоторую прибыль за предоставляемые корпуса дилижансов и их техническое обслуживание. Именно в связи с этим вот тех-

нически-финансовым казусом компанию в поездке нам составят еще несколько пассажиров, что в общем-то неплохо. Хоть тетушка Хильда и имеет живой веселый нрав, но за более чем двое суток поездки мне бы точно захотелось ее убить (причем даже если бы у меня и не было этих приступов ярости) – просто от скуки.

– Что-то никого с нами нет, – удивилась я спустя полчаса, когда наш поезд начал трогаться и старый Грыштак, тепло попрощавшись, отправился обратно домой.

– Я выкупила все купе, – озорно подмигнула Хильда. – Дороговато, конечно, вышло, но зато теперь мы можем свободно заниматься чем хотим, никого не стесняясь. – И выставила на имеющийся столик три бутылки вина, извлеченных из маленького чемодана, который на фоне остальной ее поклажи выглядел на редкость незаметным. Впрочем, там еще штук девять или десять осталось. Короче, хватит, чтобы гномка захмелела, а не только распробовала вкус, но вот боюсь, если я все это хотя бы понюхаю, то экипаж поезда никуда своего железно-парового монстра не приведет по уважительной причине. Будут выпиты. Но даже если нет и удержать себя в руках удастся, я не стану подвергать себя риску пройти еще одну из оставшихся инициаций. По уверениям отца, с каждой из них мои силы будут расти, но облик также не останется неизменным. К завершающей стадии своего развития дампир представляет собой нечто с алебастрово-белой кожей и кроваво-алыми глазами. И пусть я буду способна пробить ударом кулака стену дома или гнома в полной броне, но становиться подобным чудовищем совершенно не хочется.

– Может, не надо? – Эту осторожную фразу я произнесла, устремив на тетушку крайне испуганный взгляд. В ответ Хильда хихикнула и извлекла из другого саквояжа две жестяные коробочки конфет и небольшой сверточек пастилы. После чего подмигнула и с отлично разыгрываемым удивлением произнесла:

– Клер, с каких пор молодые девушки отказываются от сладостей и от ягодного компота?

После этих слов я, к своему стыду, все же присмотрелась к извлеченным тетушкой бутылкам. Конечно, отсутствие этикеток и залитые сургучом пробки еще ни о чем не говорили, да и сама мысль хранить компот именно в винных бутылках не казалась абсурдной. Видимо, много пропутешествовавшая тетушка изобрела довольно экстравагантный способ оставаться трезвой. Ведь действительно, таким образом можно полностью соблюсти приличия и без всяческой опаски потягивать бокал, наполненный «вином». Пока я предавалась вот таким рассуждениям относительно столь удобного изобретения гномки, Хильда не только успела расстелить небольшую дорожную скатерть и разложить сладости, но и извлечь откуда-то из саквояжа пару великолепных хрустальных бокалов. А в данный момент вкручивала в тугую пробку механизированный пружинный штопор. Конструкция, между прочим, очень знакомая – у нас дома есть парочка подобных, только не чисто пружинных, а более старых рычажных моделей.

Немного посопротивлявшись, пробка все же соизволила с легким хлопком вылезти из горлышка бутылки, просыпав немного сургуча на специально подстеленную салфетку. После того как пробка покинула свою тугую норку и позволила содержимому бутылки соприкоснуться с воздухом, по комнате распространился изумительный запах камнеломки. От этого запаха, наполненного небольшой кислинкой и одновременно горечью, у меня даже немного закружилась голова и рот наполнился внезапно появившейся слюной. Не ожидала, совсем не ожидала. Ничего себе ягодный компотик! Нет, конечно, камнеломка – это ягода, но вот то, что плети этой ягоды встречаются только в горах на высоте не менее чем пары тысяч ярдов, а часто и вообще на самой границе ледника, делает эти небольшие угольно-черные шарики с твердой и терпкой кожурой редкостью. Очень дорогой редкостью, стоящей примерно полтора своего веса в серебре.

Видя мое ошарашенное состояние, тетушка протянула бокал, до половины наполненный бархатным мраком компота из камнеломки, и буквально втиснула мне его в руку.

– Ну, за начало путешествия!

Я кивнула и выпила. Ффу-у-у... и за это платить такие деньги? Отвратительная кислая жидкость с каким-то маслянистым привкусом была немедленно проглочена. Пожалуй, единственным плюсом данного напитка было то, что он как-то странно пощипывал нёбо, и воздух, ворвавшийся в открытый рот, показался на редкость вкусным и холодным. Да еще от живота пошла теплая волна, необычная, но приятная.

– Да, это нужно распробовать, – согласилась Хильда, глядя на меня и нарезая непонятно откуда извлеченным ножиком пастилу. – Зато потом, как привыкнешь, за уши не оттащишь. Будешь?

Какая вкусная сладость! Интересно, где моя компаньонка-телохранитель ее достала? Наверняка в столице, у нас в городке таких вкусностей точно не делают, я бы знала.

– Хорошо идем, – посмотрела гномка за окно, где стремительно мелькали уже не дома города, а деревья леса, окружающего его со всех сторон. – Ходко. Скажи, Клер, а это правда, что Грем умудрился получить патент на какую-то деталь для паровоза?

– Угу, – кивнула я. – Правда, дивидендов он, считай, никаких не приносит. Ну что такое пятнадцать золотых в год?

– Не скажи, – покачала головой наемница. – Знала я тех, кому такие деньги показались бы несметным богатством... Эх, выпьем за то, чтобы для нас они всегда оставались мелочью.

Отказываться было неудобно, и пришлось проглотить второй бокал компота из камнеломки. Кажется, теплая волна в этот раз была сильнее, а вкус показался менее противным. Может, и вправду к ней привыкнуть надо? Потом Хильда под предлогом исполнения своих профессиональных обязанностей наставника-берсерк принялась расспрашивать, чему и как я училась в плане драки и кто был моим наставником. Известие о том, что азы искусства битья чужих морд своими руками я получала от эльфа, повергло ее в состояние, близкое к шоковому.

– Да ты что! – Пожалуй, так глядели бы в гильдии инженеров на студента, принесшего модель с квадратными колесами. – С ума сошла?! Эти былинки остроухие только пыль в глаза пускать горазды, а если до дела доходит, то любого их самого прославленного мастера первый же деревенский дурачок напрочь уделает! «Лист на ветру», «Тростник под косой», «Чертополох под седлом» – это же только звучит красиво, а в реальности ты их связки видела?! Это не бой, это балет, в котором один раз споткнешься или замешкаешься – и все, на погост! При чем для того чтобы подобная пародия на боевые искусства вообще была доступна, всем, кроме эльфов, требуется тренировать растяжки так, что по сравнению с ними отдых в пыточном подвале развлечением покажется!

– Угу, – кивнула я и мысленно пожелала своему наставнику провалиться сквозь землю, потому как он был садистом и просто брать деньги за обычный комплекс гимнастических пожеланий не желал. Остроухий гад полностью дал мне азы своего искусства. Как я орала, когда первый раз садилась на шпагат... – Я знаю. Пробовала потом, когда с мальчишками дралась, применить все эти па и стойки. Побили. Долго ревела потом.

– Да, Грем вовсе не так умен, как я думала, – вздохнула Хильда и глотнула компота.

Странно, но у меня в руке тоже откуда-то взялся бокал. Пришлось выпить. Вместе с воздухом, волной свежести ворвавшимся в рот, пришли воспоминания, что в тот раз, который я вспомнила, их было шестеро. И все старше на год-полтора. К тому же папе потом пришлось долго извиняться перед их родителями за три вывиха и один закрытый перелом.

Мы еще о чем-то беседовали – о чем, помню плохо, но было весело, – а затем Хильда предложила побороться. Сфокусировав глаза куда-то за тетушку, я, соглашаясь, кивнула. Сорвавшись с плеч, моя непутевая голова весело покатила в ближайший угол, подсакивая

и подпрыгивая в такт перестукиванию колесных пар на стыках рельс. Моргнув и обнаружив перед самым своим носиком медленно приближающийся кулачок гномки, по какой-то странной причине решившей испортить мне макияж, я неожиданно даже для себя рассмеялась, рассыпая вокруг звонкие колокольчики переливчатого смеха. Веселье, жаркой волной захлестнувшее меня, требовало скорейшего выхода, и поэтому, пробежав кончиками незаметно появившихся коготков по проносящейся мимо руке Хильды, я, запрокинув кружащуюся, наполненную сладким тягучим туманом голову, неожиданно даже для себя зашипела...

Вспышки окружающей действительности, пронесившиеся сквозь наполняющий мой взор туман, шипение выдыхаемого сквозь наполненное жидким огнем горло... Жидким огнем, в который превратился воздух. Воздух, ставший таким тугим и тягучим... Идеальные завитки стружки, сорванной легчайшим прикосновением с поверхности столика... зависшая в невесомости сверкающая радуга взорванной неловким движением бутылки и водопад наполненных тьмой капелек, ласкающих мое разгоряченное лицо, буквально пылающее в танце – танце не с медленной как улитка Хильдой... Нет – танце со своей тенью, с ветром и переполняющим меня огнем...

Приход в себя был ужасен. Тело болело. Нет, не так. Оно БОЛЕЛО! Ныло все, начиная от ногтей на ногах и заканчивая кончиками волос. Никогда не думала, что во мне столько мышц, которые как будто плачут и требуют себе чего-то... требует... Жажда?!

Я подскочила вверх прямо из положения лежа и, неожиданно приземлившись уже на ноги, с ужасом осмотрела обстановку, ожидая увидеть... да все, что угодно, но обязательно с потеками недопитой крови и осушенными трупами жертв. Реальность, к счастью, чудовищному видению, промелькнувшему перед моим взором, не соответствовала. Купе, конечно, было разгромлено, но Хильда жива и даже, кажется, не доставала свои топоры, не говоря уж об огнестреле.

– Да-а-а, – протянула гномка, вынув изо рта дымящую не хуже паровозного котла трубку. Я сделала вздох облегчения и чуть не закашлялась. Несмотря на открытое окно, дышать в комнате всем, кроме подгорного народа, привыкшего в своих подземельях и не к такой духоте, было нечем. – Учитель тебе явно нужен, деточка. Всякого я ожидала, но такого... Во имя всех духов всех камней, ты так хохотала и так двигалась... Знаешь, я решила, что ты чистокровный демон, а не потомок порождений зла в бездна знает каком поколении. Хорошо, что их призывать разучились. Очень хорошо... Да, тебе нужен учитель, девочка. Но я за это дело не возьмусь... Нет, точно не возьмусь. И следующего, кто попробует тебя напоить, пристрелю. Из сострадания.

– Ой, да ладно тебе, – смутилась я и осторожно присела обратно на кровать, с которой вскочила так, словно овладела заклятием левитации. А может быть, и овладела. Некоторые вампиры имели природную склонность к полетам. Про дампиров, правда, отцу такого известно не было, но, в самом деле, почему бы и нет? Жертв нет – уже хорошо. Была ли очередная инициация – не знаю... До пятой, когда покраснеют глаза, это можно определить только магическим сканированием да собственными обострившимися способностями, но пока ничего нового не чувствуется. – Я... это... долго без сознания была?

– Часов пять, – сказала гномка и, вытряхнув трубку, снова начала ее набивать. Белки ее глаз были покрыты толстой сеткой красных прожилок. Хорошо, что дампиры обращать других не умеют, а то бы меня сейчас начали мучить страшные подозрения.

– Ты как-то странно выглядишь, – заметила я, рассматривая Хильду.

– Я испугалась...

– Чего? – Чтобы такое признание дала опытная наемница, причем без малейшего принуждения?!

– Вот, – на стол лег немного неровный металлический стилет, – узнаешь?

– Нет, – покачала головой я, рассматривая вещь. Какая-то она была странная. Металл местами выглядел как мягкая проволока, которую перекрутили, а потом распрямили. – А что это?

– В недавнем прошлом штопор... Мой... Из оружейной стали...

Глава 5

Старинная тисовая аллея, плавно огибающая укутанные плющом корпуса академии, – это мое любимое место. Тут очень мало людей с их постоянной суетой, так раздражающей меня в последнее время. И именно поэтому практически каждую перемену между лекциями я провожу в уединении среди этих вековых деревьев, переговаривающихся между собой шелестом листвы и птичьим щебетом. Это очень успокаивает – особенно после двух пар богословия подряд. Нет, конечно, понимаю, что позиции церкви до сих пор очень сильны в нашем обществе, но зачем будущим ученым богословие, я просто не в состоянии постигнуть. Какая польза будет от изучения этой... даже сложно назвать наукой, этой занудности, для механика или мага? Неужели полное знание жития святых отцов и основных положений крайне запутанной религиозной картины мира поможет в проектировании новых механизмов или изготовлении строительных либо штурмовых големов?

Впрочем, все бы ничего, но преподаватель... Отец Амфитиск, видимо, невзлюбил окружающий мир в первое же мгновение своего рождения – иначе как этим нельзя объяснить его просто-таки патологическую ненависть к окружающим, в особенности к студентам и студенткам академии. Лекции этого заплывшего салом борова были худшим из всех возможных наказаний, которые в состоянии придумать извращенный человеческий, да и нечеловеческий разум. Пронзительный визгливый голосок, буквально ввинчивающийся под своды черепа, и резкие выкрики, переходящие в многословные молитвы или цитаты из жизнеописания какого-нибудь замшелого святого, полностью исключали возможность просто поспать на лекции. Тем более что святой отец имел вредную привычку долго песочить отвлечшихся и потерявших нить его рассуждений (как будто она там когда-то была?). Ну и вдобавок его нудные рассуждения о греховности женского начала, после которых некоторых особенно впечатлительных барышень приходилось откачивать нюхательной солью.

Не знаю как, но я держалась, скрипя зубами и до крови прикусывая губы клыками, появляющимися от захлестывающей меня волны ярости. Поэтому каждая лекция богословия стоила мне кучи нервных клеток и нескольких испачканных кровью платочков, которыми, как оказалось, крайне удобно маскировать изменение прикуса, самопроизвольно появляющееся при первых же словах святого отца. А уж изображать из себя анемичную барышню, периодически подносящую к лицу надушенный платочек, у меня получалось просто великолепно.

– Привет, Клер. – С этими словами ко мне подошла неразлучная парочка из двух гномов, приходящихся друг другу братьями, Торката и Гроткара. Обычно эти двое ходят еще в компании с обманчиво хрупкой на вид городской эльфийкой Лазлой, но сегодня ее что-то не было видно... ах да, она же вместе с остальными друидами на выездных занятиях. – Слушай, ты ведь в дальнейшем собираешься на конструировании големов специализироваться, ведь так?

– Ну да. – Именно это как бы полностью нейтральное от любых стихий и сил направление магии мне неожиданно приглянулось по той простой причине, что с преподавателями по чарам тьмы и крови в нашей стране некоторая напряженка. Они, конечно, есть, но им, положив руку на сердце, самым бы у кого-нибудь поучиться, а в свой разум я больше никого пускать не собираюсь, благо защититься от почти любого сканирования смогу, уж на это-то полученных способностей хватит. Сведения о том, что я являюсь дампиром, лежат в моей прелестной головке, пожалуй, на самом видном месте, и потому общаться с теми, кто читает мысли как книги, категорически не хотелось. А то дефицит априори неслепых магов живо сменится на их изобилие, ибо на такую диковинку придет посмотреть каждый уважающий

себя чародей. А я музейным экспонатом становиться не хочу. Не в последнюю очередь еще и потому, что биологические препараты обычно выставляют в разрезе.

– Тогда, может, составим рабочую связку? – продолжал Торкат. – Я кузнец рун не из последних, а ты, не в обиду будет сказано, и молот-то не удержишь.

– Пожалуй, все-таки удержу, – задумчиво произнесла я, обдумывая со всех сторон предложение гнома. Големов можно делать почти из чего угодно: глина, камень, железо, лед, даже чужая плоть. Вот только обычные, не зачарованные материалы были, как правило, недолговечны и пожирали вложенную магию со страшной силой. Для того же, чтобы создать магическую куклу, обладающую изрядным запасом прочности, требовались очень редкие материалы с уникальными характеристиками и почти не встречающиеся в природе. Ну или нужно было использовать руны, а лучше гномов их никто не знал. Подгорные жители считались признанными мастерами зачаровывания, вот только это была единственная школа волшебства, в которой они могли добиться успеха из-за врожденных особенностей строения ауры. И потому каждый кузнец рун, желавший создавать не поделки, а шедевры, скорее рано, чем поздно искал себе напарника-мага, с которым за годы совместной практики вырабатывал неподражаемую слаженность. Разрывались такие союзы тяжело: привыкать к новым партнерам – дело уж очень не быстрое. – Но вот выковать им ничего путного точно не сумею. Хм... Торкат, сам понимаешь, тут нужно подумать, взвесить все плюсы и минусы, все же не камни под гору катим...

– Угу, – важно кивнул гном.

– Эй, нелюди, чего это вы тут шушукаетесь, а? – вклинился в нашу беседу знакомый и уже, пожалуй, ненавистный голос, чей хозяин, кажется, был слегка пьян.

А вот и один из минусов. Не люблю расистов. Но объективная реальность такова, что они есть, их много, а становиться партнером их цели для издевательств номер один не хочется. Впрочем, я и сама где-то в списке их мишеней есть, но в конце. Папочка у меня богатый. И связываться с его наследницей дураков мало.

Но один нашелся. Арей Мист виконт Суагримский, блудный сыночек одного из самых серьезных магов-природников и, к сожалению, его полная противоположность. Нахал, повеса и мот. Именно такие нелестные характеристики о сем недоразумении человеческого рода можно услышать от практически любого столичного жителя. Мокрица, а не человек! В особенности если он – как, впрочем, и всегда – в окружении своры своих прихлебателей. Полный ноль в науках, и уж тем более в магии, и от этого еще больше ненавидит всех, кто хоть на пядь превосходит его интеллектом. Вдобавок к своему снобизму и нетерпимости, лишь подчеркивающим его крайне отвратительный характер, он считает себя неотразимым ловеласом и просто божественным любовником. Видимо, из-за этого с первого дня нашего знакомства он готов на все, что, как он думает, в состоянии взять мой бастион. Видите ли, страсть к экзотическим постельным игрушкам, в которые он имеет наглость пытаться заочно записать и меня, сочетается в этом куске гнилой крепости с просто-таки божественным самонимением. Извиняюсь за гномские ругательства, но, знаете, с моим папенькой человеческие мне было просто не от кого услышать.

– Виконт, покиньте наше общество. По-моему, я вас уже предупреждала...

Многозначительная пауза, во время которой я как бы невзначай положила ладонь, затянутую в тончайшую замшевую перчаточку, на рукоять «Амели».

– Ой, да ладно, мисс Неприступность, – фыркнул он, подходя ко мне на расстояние всего одного шага. Смелость ему придавал маячащий невдалеке, но, однако не в зоне прямой слышимости, преподаватель, маг-воздушник. Быстро убить человека и спрятать его труп на глазах опытного чародея невозможно, а полумер этот наглец явно не боялся. – Я же знаю, что вам хочется залезть со мной под одеяло. Гномская кровь как-никак. Скажите, безбородые, а правда, что ваши женщины настолько горячи, что бросаются на все, что шевелится, и

потому-то их из-под гор не выпускают? И где та остроухая стервочка, что все время трется рядом с вами? Мне бы хотелось с ней поразвлечься...

– Когда я окончу академию, – посулил Гроткар, судорожно сжимая пальцы и, видимо, мечтая, чтобы в них оказался топор, – пусть духи гор помогают тебе жить.

Вторую часть старинной клятвы обидчику: «А смерть твою буду нести я, причем медленно» – он не произнес, таким образом не дав повода для обвинения в угрозе убийства. Впрочем, сомнительно, что эта мокрица знает древний фольклор сородичей моего отца.

– Так чего же вы тут собрались? – упорно не желал отправиться по более подобающим ему делам, например дегустации канализационных вод, Мист. – Заговоры плетете, как это принято у вашего нелюдского племени, да? Житья от вас уже в столице нет, все заполонили, вот даже в нашу академию пролезли.

Против тебя, гадость моя, согласна вступить в союз даже с гоблином и дроу. Вот только испытываю некоторую опаску, что представители этих бесчестных народов подобным куском... не скажу чего, могут и побрезговать.

– Или вас, леди Клер, – мое имя и титул он произнес с такой насмешкой, будто они подразумевали как минимум урожденную служительницу борделя, – потянуло к родным корням, причем сразу к двум?

«Если я его пристрелю, меня выгонят из академии. Если я его пристрелю, меня выгонят из академии». – Кажется, в восточных странах подобное мысленное напутствие самому себе зовут мантрой, и тамошним монахам и святым оно сильно помогает бороться с разнообразными искусами. Будем надеяться на...

– Впрочем, откуда у этих недомерков возьмется в штанах что-то стоящее? – философски спросила непонятно кого эта пародия на цивилизованного человека. – Сказала бы лучше мне, неужели я бы отказал такой прекрасной полукровкой? Да и приятеля бы привел. Или двух.

Тут я неожиданно вспомнила об одном из напутствий отца. И озверела. Вернее, впала в боевое безумие. Холодное, жестокое и полностью контролируемое, как учила тетушка Хильда.

– Ты оскорбил меня! – Странно, но гномы, которые в силу расовой специфики такое чувство, как страх, знают больше по чужим описаниям, отшатнулись. И урод тоже, причем даже на два шага. – И эти слова я смою кровью! Твоей!!!

И, быстро вырвав из кобуры пистолет, я ударила его рукояткой по носу человека. Руки Миста потянулись к голове и попытались поставить блок, но медленно, слишком медленно, – мне ничего не стоило ударить между этими едва шевелящимися тонкими культиками. Второй удар достался глазу, но, к сожалению, дворянчик дернулся, то ли случайно, то ли специально, и потому не окривел, а отделался рассеченной бровью. Следует отдать ему должное, несмотря на боль, выродок попробовал разорвать дистанцию и сплести какое-то заклинание. Не была бы я вампиром, возможно, у него даже получилось бы. Третий удар, нанесенный ради разнообразия с широким замахом, пришелся по обнажившимся из-за губ для произнесения вербальной формулы зубам. Очень хотелось ударить по кадыку, но убийства мне бы не простили. Зато как весело брызнули эти белые косточки! Красиво.

И тут потеха кончилась. Воздух вдруг затвердел, и я обнаружила, что шевелиться стало куда сложнее, а обычный человек или там гном чувствовал бы себя как муха в паутине. Маг-воздушник, понявший, что происходит на его глазах, наконец-то воспользовался своими способностями. Усилие воли – и ярость прячется где-то в глубине разума, становясь огнем, нагнетающим пар в котле моего интеллекта.

– Что тут происходит? – Его гневный рев ничуть не уступал по психологическому воздействию на слушателей моему шипению.

– Я забираю документы из вашего клоповника, раз он не в силах обеспечить заявленное равенство волшебников пред законом и магией! – бросила я ему в лицо. – Мою мать, которая преподавала здесь, ложно обвинили и приговорили! Меня собрались изнасиловать! Клятва архимага, в которой он обещает заботиться о неофитах и сотрудниках, ничего не стоит, так ему и передайте! И завтра же это будет во всех газетах! Не будь я Клер Шатраэн Отхильда Дербас Туиллойска! – И, сосредоточившись, я выплеснула всю доступную мне силу в окружающее пространство, нарушая привычное течение энергий. Чары на несколько мгновений ослабли, и через близко стоящий забор, ограждающий аллеи академии от шума и гама улиц, я просто перелетела. Вернее, прыгнула к его верху, зацепилась за него руками и быстро-быстро перенесла себя на другую сторону. Защитная магия барьера работала только наружу, а не в обе стороны, это было каждому первокурснику известно.

«Ну вот, – мысленно хмыкнула я, наблюдая, как опешивший маг раздумывает за оградкой, идти ли ему ловить наглую студентку, все еще сжимающую в руке окровавленный пистолет и пообещавшую втоптать доброе имя главы академии в грязь, или все же позаботиться о раненом. Надеюсь, он слабо разбирается в лечении и решит, что стонущего уroda, как сломавшую ногу лошадь, надо убить из милосердия. – Теперь чародеи начнут разбираться с тем, что же случилось. Просканируют память свидетелей и попробуют замять дело, ведь им скандал не нужен. И я им это позволю, спрятав свой разум за стенами снятого особняка, откуда без Хильды до решения дела не высунусь. Серьезно давить на меня не решатся, уверена в этом. Если дело раскроется – архимагу доверят разве только фокусы на ярмарках показывать. А отчисление или судебную тяжбу... переживу как-нибудь. Отец поймет. А нет – имею я право на маленькие капризы время от времени или как?!»

Часом позже, кабинет ректора академии

– Ну и как это понимать? Я вас спрашиваю! – Удар посоха, с которым архимаг Лериаль лек Феанос не расставался практически никогда, чуть ли не проломил столешницу и заставил присутствующих в кабинете вздрогнуть. – Вы, сэр Валентайн! Вы и ваш любимый Мист, от которого за первый год обучения в академии были только одни проблемы! Что вы думаете теперь делать?!

Развалившийся в кресле декан факультета воды барон Валентайн Транский в ответ на эти слова побагровел и воздел к потолку украшенные многочисленными перстнями пухлые пальцы.

– Это возмутительно! Студентка Туиллойска наигрубейшим способом нарушила постановления совета академии, напав на другого учащегося. Нанеся тому сильные увечья, которые сейчас не позволяют ему присутствовать тут при разборе этого возмутительного случая! – Опустив руки и поправив неаккуратно закатавшиеся рукава мантии, декан продолжил: – Несомненно, необходимо поднять вопрос о ее исключении и передать студентку Туиллойска городской страже. Ведь это немыслимое варварство – напасть на сына такого уважаемого человека среди белого дня!

После столь патетической речи барон удовлетворенно сложил руки где-то в районе талии на проступающем сквозь свободную мантию животике и с удовлетворенным видом посмотрел в сторону ректора. Ответный взгляд архимага заставил декана неожиданно даже для себя икнуть и побелеть от страха.

Взгляд ректора академии, став вдруг практически материальным, наполненной камнями повозкой прошелся по присутствующим, заставив их втиснуться в спинки антикварных кресел, жутко дорогих, но, несмотря на это, не слишком удобных для повседневного использования. Этот мебельный гарнитур, расставленный вокруг ножки буквы «Т», примыкающей к столу архимага, предназначался в первую очередь для размещения посетителей и для вымещения злости разменявшего более чем восьмую сотню лет архимага. Во всяком

случае, естественная убыль «пыточных кресел», как их называли все, кому выпадала столь неоднозначная честь их использовать, составляла не менее двух в год – обычно перед посещением представителей Верховного совета и перед визитом главы казначейства.

– Вы идиот?! – Если в столь эмоциональной фразе ректора и была доля вопроса, то уж очень небольшая и практически неразличимая на слух. – Барон, вам стоило хотя бы изредка поднимать свою задницу и изучать личные дела студентов, и не только тех, от родителей которых вам перепадает за зачисление этих тупых гоблинов на ваш факультет.

Белизна, покрывавшая лицо барона, при этих словах архимага стала стремительно сдавать свои позиции волне красного цвета, заливающей поры его обрюзгшего лица.

– Да как вы смеете!!!

– Смею! – Спокойный, наполненный усталостью голос ректора заставил присутствующих в кабинете деканов и начальника службы охраны академии напрячься. – Вы идиот. – Спокойная, размеренная констатация прозвучала как удар молотка гробовщика, после чего архимаг продолжил: – А ваш разлюбезный Мист не кто иной, как обычное быдло, лишь по недоразумению упомянутое в бархатной книге.

– Вы! Вы!!! – Задышающийся от возмущения декан факультета воды попытался резко вскочить из-за стола, но конструкция кресел, а скорее всего, объемные тела не дали ему этого сделать, и поэтому он только затрепыхался, пытаясь и подпрыгивая на сиденье. – Когда это услышит граф Суагримский, вы горько пожалеете о своих словах!!!

Горькая ухмылка, появившаяся на губах ректора, замечательно оттенила падающие на присутствующих слова, подобно звуку метронома:

– Клер Шатраэн Отхильда Дербас Туиллойска... Торкат и Гроткар Одрогар... – Дав присутствующим некоторое время для обдумывания прозвучавших имен родов и кланов, архимаг продолжил, с трудом сдерживая начинающую разгораться ярость: – Последние-то ладно. В аристократии гномов их род, несмотря на древность, занимает одно из последних мест в связи с бедностью и жизнью на поверхности в качестве нанимаемых людьми специалистов. Невеликого полета птицы, рот им заткнуть можно легко. Но вот известная вам студентка... То, что ее отец входит во вторую сотню самых богатых людей страны, а она его единственная наследница, вам, как я понимаю, неизвестно.

– Вы преувеличиваете, – осторожно заметил Валентайн, на которого лавина информации вкупе с предсказанием возможных угроз произвела некоторое впечатление. – Шатраэн Отхильда Дербас Туиллойска. Я никогда не слышал об этом клане.

Глубоко вздохнув, Лериаль лек Феанос продолжил.

– А о золотых копиях Тринского хребта ты слышал? – язвительно осведомился глава академии. – Это владение нашей студентки и ее отца, других претендентов нет, род почти вымер. Если их будущая владелица захочет, то газетчики будут обливать нас грязью лет двадцать, не меньше. И вполне заслуженной, надо сказать. Обвинение в изнасиловании, несомненно подтвержденное тремя представителями благородных семей. Вы в своем уме, барон? Да ваш надражайший граф Суагримский самолично придушит своего выроodka, хоть это и не спасет репутацию его рода. И после этого вы заикаетесь об отчислении леди Туиллойска? Или еще того хуже – взятии ее под стражу?!!

Устав мерить кабинет шагами, ректор наконец-то добрал до своего кресла и устало в него опустил.

– Лучшее, что мы можем сейчас сделать, – это всеми силами попытаться замять этот инцидент. Как будто его не было. Поэтому, как это ни неприятно, ваш любимый Мист не будет с позором выгнан из академии. А о достойной компенсации леди Туиллойска, способной сгладить у нее воспоминания о столь чудовищном инциденте, я прошу договориться вас, леди Мериэль.

Взгляд ректора, устремленный на декана факультета целительства Мериэль лек Фяхильд и по совместительству единственную женщину среди руководящего состава академии, был наполнен теплотой и чем-то еще, о чем полностью заиклившись себя на науке эльфийка по какой-то странной причине не догадывалась.

Тем же вечером

– Клер, деточка, все же ты поступила опрометчиво, – мягко укоряла меня тетушка Хильда, когда я вместе с ней совершала вечернюю прогулку по одному из столичных парков. Впрочем, в голосе гномки особого укора не чувствовалось. Гномка-воительница просто выполняла свои профессиональные обязанности, журила подопечную за глупый поступок. Хотя сама, уверена в этом, поступила бы так же. А может, и покруче. Опыт как-никак. – Расисты были всегда. Рождаются и исчезают народы, но разнообразное отребье вечно. Истреблять бесполезно. Пробовали. И если угрозу пожаловаться газетам я одобряю, то вот мордобой... благородным леди не пристало пользоваться рукояткой пистолета не по назначению. Можно было бы оформить вызов на дуэль и пристрелить его ко всем дохлым демонам. Или проткнуть... Думаю, выбери ты в качестве оружия двуручный топор, у него вообще бы шансов не было. Нет, решительно надо было как-то иначе... дипломатией, может быть. – Последние слова наемница произнесла с явным сомнением. Наверное, этот способ решения конфликтов был известен ей большей частью теоретически. – Ну или, на худой конец, мне бы сказала, – встряхнула головой она и покосилась на меня снизу вверх. – Знаешь, с какой дистанции я могу пробить голову мишени в человеческий рост из своей любимой винтовки?

– В долгосрочной перспективе ты, конечно, права, – хмыкнула я. – Но... но как же это самоуверенное ничтожество меня достало! Был бы он просто бабником, и ладно, это в чем-то даже почетно. Хамом – бывает. Слабосильным тупым ничтожеством – ну что уж поделять, уродился таким. Самоуверенным и спесивым – ну это уж заслуга плохого воспитания целиком и полностью. Но чтоб в одном флаконе все сразу?! Это же не человек, это химера какая-то! Пока он более-менее держал себя в рамках, я терпела. Но не ответить на то, что он мне сказал...

– Молодость, молодость, – задумчиво покивала гномка. – Кровь молодая, горячая, сама такой же была. Слушай, деточка, а мне кажется, или вон из-за тех кустов на нас кто-то пялится? И блестит там что-то подозрительно, то ли меч, то ли мушкет... Нет, все-таки я ошиблась. Это кираса.

Караул. Нет, ну правда. Если подгорный житель заметил засаду, то человек должен был услышать или увидеть ее шагов за сто, эльф за тысячу, то я, дэмпир, позорно пропустила окружающую нас со всех сторон компанию наемников до самого их появления. Позор на мои клыки и врожденные сверхъестественные чувства, сколько и каких их бы ни было. Надеюсь, со временем это пройдет. В роде деятельности молчаливых людей и одного вроде бы полуорка с завязанными платками лицами сомнений не было. Разнородные доспехи, от уже упомянутой кирасы кавалерийского образца, поступившей в армию лишь года три назад, до рыцарского шлема как бы не трехсотлетней давности, разнородное оружие, от дубины до четырехствольного пистолета. Направленного, кстати, на меня.

Состояние ступора, которое по всем правилам должно было бы проявиться, по какой-то странной причине обошло меня стороной, оставив какое-то странное зудящее ощущение, плавно переросшее в азарт. Особенно после действий вроде бы мирно шествующей рядом со мной тетушки. И я, и выскочившие из кустов наемники просто остолебенели, когда гномка легким выверенным движением оторвала подол платья примерно по колено, обнажив чешуйчатые поножи и торчащие из-за голенищ коротких сапожек рукояти кинжалов. После чего, не говоря ни слова, отправила в полет извлеченный непонятно откуда топор.

Влажный удар – и булькающий хрип первого неудачника среди встретившей нас в столь уединенном месте компании объявил о начале веселья... Грохот четырехстволки почтеннейшего возраста и пронзительный, сводящий зубы визг рубленой картечи, подметающей не особенно чистую мостовую, еще мгновение назад покрытую небольшими кучками павшей листвы и конского навоза. Ругань и чертыханья сбитых с ног стремительным метеором под именем Хильда, расцветающим то тут, то там рыбками кинжалов, отражающих свет газовых фонарей. Чей-то рев, по какой-то причине перешедший в высокий, захлебывающийся визг. Танцующие вокруг тени, неумело и коряво ведущие свою партию... да какой там ведущие – то и дело наступающие друг другу на ноги, толкающие соседей, бестолково взмахивающие оружием... Это было... Это было скучно. Именно на таком внезапно прорезавшемся чувстве я и поймала себя.

Полностью абстрагировавшись от окружающего и только иногда уклоняясь от излишне настырных партнеров, если их можно так назвать, по танцу. Скучно... Режиссерская палочка «Амели» росчерком вороненой стали как будто сама собой выстраивала из окружающего хаоса хотя бы подобие стройной и прекрасной мелодии. Мелодии, под которую я принялась кружиться в безмолвном танце вместе с густыми тенями и отблесками неверного света, отбрасываемого закутанной облаками кокеткой луной и ровно гудящими газовыми лампами уличного освещения. Разлетающийся подобно цветку подол юбки и стакато подкованных сталью каблучков вплеталось в метроном слов «Амели», несущей свои горячие поцелуи и распускающей на кончике своего ствола огненные лилии. Медленно гаснущие под напором вечерних сумерек... Подобно новомодному фотографическому аппарату, отнимающему работу у придворных художников, «Амели» останавливала мгновения, высвечивая лица и тела, застывшие в движении или в стазисе смерти. Экстаз неземного блаженства охватил мое тело, распахнув душу, и заставил объять происходящее... Я влюбилась в эти брызги крови, в эти растянутые во времени стоны, радугу мерцающих, подобно драгоценному жемчугу, кусочков содержимого чьей-то головы... Я любила... Танцуя и даря окружающим робкую и наполненную моими чувствами улыбку...

А потом все как-то вдруг и сразу кончилось. Все лежали, кроме меня и Хильды. Некоторые еще шевелились и вроде бы могли выжить, но попыток встать не делали. Странно. Я читала, что после первого боя обязательно должна наступать тошнота, но ее не было. Вообще никакого дискомфорта не испытывалось, хотя и пахло на набережной отнюдь не свежестью. Но тому, кто хоть раз бывал на крупной ферме, и не такое нюхать доводилось.

– Все? – спросила я Хильду, вертя в руках свою полностью опустошенную малышку.

– Да вроде, – пожалала плечами она.

И тут из кустов прогремел выстрел. А в левое плечо мне вонзился раскаленный лом.

«Папа!..» – только и успела подумать я, стукаясь затылком о землю. Боль в голове на секунду ослабила жуткие ощущения в руке, которая, вполне возможно, после такого валялась где-то неподалеку отдельно от остального тела. Удар оказался сильным, но, к сожалению, не настолько, чтобы выбить из молодого дампира дух. Тут же в уши долбанул грохот разрыва, кажется, Хильда бросила в притаившегося стрелка динамитной шашкой. А может, это просто так грохотало одно из ее ружей – не знаю. Было больно, и ни на что другое отвлекаться уже не получалось. Костер жуткой агонии перекинулся с плеча на всю левую половину груди, да и дышать стало как-то трудновато. Вставать на ноги не хотелось. Небо кружилось и, кажется, падало. А может быть, резко подпрыгивало вверх и возвращалось на место.

– Ничего, милая, потерпи, – склонилась надо мной гномка, когда я уже окончательно смирилась с мыслью, что истекаю кровью из пробитого удачной пулей, думаю, серебряной, иначе я не должна умирать так быстро, сердца. – Платье, конечно, теперь только на помойку, но зато шрамик будет маленький, аккуратненький и почти незаметненький. Да и кто его

увидит, на плече-то под одеждой? А без нее уж на такие мелочи и тем более внимания не обратят.

– Больно, – простонала я, не знаю как найдя в себе силы на этот подвиг. – Больно! Куда он мне попал? В сердце?

– Да нет, конечно, – успокаивающе ободрила Хильда, доставая откуда-то из глубин своей одежды чистую тряпку и какую-то подозрительного вида склянку. – Ты же не вампир – с такими ранами жить. По бицепсу пуля скользнула, даже входного отверстия нет, просто немного мяса вырвала...

Это что, я тут почти умираю, а меня, оказывается, всего лишь поцарапало?! Что же тогда действительно сильно раненные испытывают?! Ой, кажется, я хочу обратно домой, к папе. И пусть он сторожей для своей любимой дочки наймет. Армию...

Глава 6

Несомненная прелесть железной дороги и попыхивающего паром механического монстра, с легкостью волокущего за собой вереницу вагонов, заключается именно в непрерывном равномерном движении, мерном постукивании колес на стыках рельс и непередаваемом запахе угольной гари, увлажненной отработанным паром. Конечно, для молодой девушки довольно странно находить в этом хоть одну приятную сторону, но отцовская кровь берет в данном случае верх. Впрочем, наслаждалась не только я одна, с удобством расположившиеся на противоположном диване братья-гномы с удовольствием попыхивали короткими глиняными носогрейками, бросая наполненные спокойствием и какой-то внутренней умиротворенностью взгляды на проносящийся за окном пейзаж.

Единственный страдающий попутчик зажался в противоположном от гномов и открытого окна углу моего дивана и окружил себя легкой сферой воздушного щита, применяемого обычно в глубоких выработках и шахтах для очистки воздуха от различных не совсем полезных для здоровья миазмов. Ну что взять с этих рафинированных эльфов и в особенности от Лаэлы, которая хоть и выросла в городе, но все равно крайне отрицательно относилась ко всякого рода «техногенным гадостям», как она периодически высказывалась. Единственный вопрос, который меня гложет до сих пор, несмотря на все прошедшее время и робкие ростки дружбы, которая, надеюсь, появилась между нами: какого подгорного червя (ох уж этот папуля с его любовью к крепким словцам!) она пошла на големостроение?

Когда после регистрации и получения на руки всех бумаг я посетила первую лекцию по своему профильному предмету, то мое удивление, да и удивление всех присутствующих, включая преподавателя, вызванное сидящей в рядах людей и гномов изнеженной эльфийской леди, было довольно велико. Впрочем, если разбираться, то белой вороной была не только Лаэла. Я тоже получила свою долю удивленных взглядов, хотя и меньше чем эльфийка: просто вторая женщина, поступившая на искони мужской факультет, тем более имеющий плотные связи с военными, – это, конечно, необычно, но на фоне эльфийской леди, хотя и из Ла-Тазлей, то есть городских эльфов, не столь шокировала.

Эх, а все-таки хорошо учиться в магической академии. Все при деле, причем обычно любимом, ведь чародеев, не любящих свое искусство, просто не бывает: откровенно тупых или наглых индивидуумов нет, а те, кто сумели успешно замаскироваться, не так уж и безнадёжны. Было, правда, одно исключение, но после скандала, устроенного два месяца назад, оно старалось не отсвечивать своим переломанным носом в зоне моей видимости. И досягаемости.

Та банда наемников, что напала на нас с Хильдой, вроде оказалась обычной шайкой жителей городских трущоб, решивших быстро и легко заработать, ограбив двух выглядевших богатыми и неспособными постоять за себя леди. Но если верить свидетелям, архимаг, узнав о моем пулевом ранении раньше, чем о подробностях его получения, Мисту пистон все равно вставил. Отметина от пули заросла без следа за считанные дни, правда, я при этом пару раз приложила тайком к заветной фляжке с кровью. Нет у меня регенерации. Вернее, пока нет вампирской регенерации, которая, по слухам, позволяла отращивать утерянные конечности прямо во время не слишком удачно сложившегося боя. А вот с троллями или их дальними-предальными родственниками гоблинами посоревноваться в скорости рассасывания шрамов, пожалуй, уже могу. С одной стороны, это, конечно, хорошо, но с другой...

Скандал и для меня не прошел бесследно. Сам глава академии пообщаться с буйной студенткой так и не соизволил по каким-то своим причинам, но вот его заместитель в короткой беседе всю душу вымотал не хуже демона. Даром что она чистокровная эльфийка. Но тетушка Хильда и тут помогла. Сперва даже просто своим присутствием, а потом, отведя

эту эльфийку, и по совместительству декана кафедры целительства, в сторонку и по-быстрому замяв данный вопрос. Когда она спровадила эту мегеру за порог, тетушка с чувством смахнула капельки несуществующего пота со своего лба и радостным, но немного уставшим голосом выдала: «Короче, по морде этому засранцу ты вдарила без последствий. Хотя, по моему, надо было оторвать ему его колокольчики. Академия заминает дело, так что никого отчислять не будут – в том числе и тебя».

А слухи? Слухов как таковых не было. Мист где-то с месяц или больше не появлялся на территории академии, находясь на излечении от внезапно охватившего его приступа сплина. Невольных свидетелей конфликта ректор довольно убедительно попросил о нем не распространяться. В общем, живи – не хоч. Так что на первую за время своей учебы практику – так называемую ознакомительную – я ехала практически со спокойной душой. Тем более что в качестве компенсации за нервотрепку архимаг пообещал что-нибудь интересное вместо обычных для всех остальных групп нашего факультета нудных лекций в сборочных цехах завода големов-уборщиков, расположенного недалеко от академии и поэтому довольно часто используемого в учебных целях. Тем более что владелец завода был просто-таки рад этому – бесплатные руки, а уж тем более мозги, ой как не часто появляются на горизонте.

Так что направление нам выдали в Истринский гарнизон третьего броненосного легиона и по совместительству главное место дислокации отдельного батальона тяжелых штурмовых големов. И все это счастье увидим только мы вчетвером!!! И-и-и-и!!! Каюсь, первые несколько минут после получения этой новости я визжала, как десятилетняя, и прыгала вокруг тетушки от распиравших меня чувств. Ну а потом, расцеловав в обе щеки Хильду и в ее лице гонца, принесшего такие замечательные вести, побежала искать оставшихся членов нашей небольшой группы. Ибо похвастаться да и порадовать друзей – это ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Как вы думаете, что нас ожидает на практике? – спросила Лаэла, с вымученной улыбкой косясь на довольно пыхтящих своими трубками гномов.

– Груды кое-как работающих големов, которые мы должны разбирать в поисках чего-нибудь путного, вне сомнения, – рубанул рукой задымленный воздух Гроткар. – Ломать не строить, а значит, к этому можно допустить студентов, которые еще только пытаются стать мастерами. Заставить же армейского мага заниматься фактически мусором сложнее, чем приучить ходячий труп к исполнению святых гимнов. А потому направляют нас. И это хорошо. Из деталей сможем собрать первые чего-то стоящие механизмы, а не те игрушки, которыми баловались до этого.

– Ну почему же, – возразил ему брат. – Согласен, учебный материал, который выдавали в академии, далеко не лучшего качества, но и не какое-нибудь там барахло с ближайшей помойки. Работать можно. Да и потом, все ценные детали ведь вроде бы полагается сдавать?

– Ха! – сказал в ответ Гроткар. А потом подумал и добавил: – Три раза. У людей не принято соблюдать собственные законы, это каждый знает. Конечно, большую часть хорошего материала придется вернуть казне, но даже самый требовательный кладовщик закроет глаза, если мы возьмем с собой пару сувениров. Особенно если бутылку вина поставим. Главное, не нагнать сверх меры и тащить каждый день, но по чуть-чуть.

В принципе он прав, вот только в понимании гномов чуть-чуть ценных материалов – это столько, что паровоз, который будет везти нас обратно, может и сломаться из-за перегрузок.

– Работать можно с чем угодно, – поддержала я гнома. – Но нас отправляют в боевую часть. Правда, в последнее время никакой войны, сами знаете, не наблюдается, а потому, думаю, скорее всего, мы будем ставить каких-нибудь устаревших големов на консервацию в связи с перевооружением.

– Звучит логично, – подумав, признала эльфийка. – Хотя мне бы, конечно, хотелось как раз новинки оборонной промышленности посмотреть и пощупать. Говорят, в армии принимают какую-то новую систему вооружения для полевой артиллерии. Представляете, она будет стрелять не одиночными большими зачарованными стрелами, а множеством мелких.

Да уж, наша дивная в своем репертуаре, знает о новейших системах оружия столько, что остается вопросом, как ее до сих пор вражеская разведка не украла. Ушастая в одиночку способна заменить собой двух-трех генералов со штатом технических специалистов. И это в то время, когда нормальные девочки интересуются парнями и косметикой. Нормальные. Не мы.

– Слушай, Лаэла, – решила я наконец задать ей вопрос, который давно меня мучил, – а почему ты пошла на големостроителя? Есть же у тебя неплохие способности к магии, и возиться с капризными артефактами в общем-то нет нужды. К тому же у эльфов куда более быстрые рефлексы, чем у остальных рас, да и природная склонность к ряду направлений волшебства имеется. Любая карьера – от целителя до боевого мага – вашему народу по плечу, но ты выбрала именно возню с големами, в которой никаких преимуществ не имеешь. Почему?

– Все просто, – пожала плечами перворожденная. – Мне это настойчиво посоветовала родня. Мир меняется, причем очень быстро. И правители большинства народов это прекрасно понимают. Хотя я из городских жителей, но у нашего народа одни князья, которые в своих лесах принимают решения за всех. Раньше войны моего народа были лучшими из-за своего мастерства, оттачиваемого годами. Но с развитием прогресса оружейного дела значение индивидуального мастерства уходит в прошлое, уступая место количественному перевесу, а значит, эльфы в целом становятся более уязвимыми. Вот и начали искать пути решения возможных проблем, пока не стало слишком поздно. Кто-то экспериментирует с попыткой оживления деревьев, вроде бы до Эпохи Смерти мы это умели, некоторые стараются создать заклятия массового поражения, парочку неофитов даже, говорят, некромантам на обучение отдали. А меня родители очень долго убеждали научиться создавать големов, и, понятное дело, отказывать им я не стала.

Допустим, я поверю, тем более после такого честного выражения, которое удерживала эльфийка на своем личике в процессе своего выступления. Допустим... Но вот то выражение глаз, тот огонь, с которым Лаэла копалась в пропитанных маслом и алхимреагентами внутренностях учебных големов, совсем не стыковались с образом несчастной эльфийки, направленной родственниками чуть ли не на каторгу, с эльфийской, конечно, точки зрения. Сперва у меня даже возникла мысль о наличии у нее некоторой примеси гномьей крови, но слишком правильные черты лица и соответствующие самым суровым эльфийским канонам уши полностью противоречили моим выкладкам. Думается, Лаэла лукавит, немного, конечно, но лукавит. Ну да ладно – рано или поздно эта тайна станет для меня явной. Ведь учиться нам с этой необычной эльфийкой еще минимум четыре года, если, конечно, никто из нас не попробует свои силы в сдаче переводных экзаменов экстерном.

Вот примерно такие мысли грызли меня всю дорогу до небольшой товарной станции, выделяющейся из безликого множества ей подобных, раскиданных на всем протяжении сети железных дорог, которая в последние пару десятилетий расширяется просто невообразимыми темпами. Особенно после изобретения специального путеукладывателя, если я правильно помню, на базе списанного армейского «Вепря», то ли седьмой, то ли восьмой модели, применявшегося в последней войне с баронствами и Сулимским султанатом в качестве стенобитного орудия. Ну так вот, вроде обычная станция с угольным бункером, водяным баком и небольшой будочкой смотрителя. Но зато мощный каменный пандус, предназначенный явно для загрузки тяжелых осадников или артиллерийских големов, сразу выдавал ее назначение. Вдобавок от этого пандуса уходила скрывающаяся за близким холмом мощенная шестиугольными гранитными плитами дорога.

Конечно, нас встречали. Нечто под широкополой шляпой, неопределенной возрастной, половой и расовой принадлежности, затянутое в настолько линиялый мундир, что им могли бы побрезговать не только мародеры, но и пугала, долго смотрело на наши документы, видимо ища в них знакомые буквы. Ну или хотя бы картинки. Наибольшее подозрение у него почему-то вызвал комплект документов Торката, хотя лично я, даже под угрозой быть посаженной на диету, не нашла бы в выданных нам канцелярией академии бумажках ни единого отличия, за исключением имени студента.

Это модное издевательство над собой, пришедшее к нам то ли с Востока, то ли прямоком от дроу, в последнее время набирает угрожающую популярность. Скоро уже модельеры начнут донимать археологов, чтобы они узнали, какие платья носили дамы-личи в Эпоху Смерти, так как измыслить удобную и красивую одежду для ходячего скелета ни один здоровый ум из ныне живущих просто не в состоянии. Но наконец, после того как проводник три раза бегал к машинистам, откладывая отправление, наша принадлежность к шпионам всех соседних стран сразу оказалась поставлена под сомнение, и на территорию военной части приехавшим на практику волшебникам-недоучкам попасть все же разрешили.

До штаба, где в обществе офицеров предпочитали отираться практически все военные маги, нас довезли централизованно. И даже поставили под грозные очи адепта артефакторики Рына Брыльски, являющегося одним из заместителей командира батальона штурмовых големов. Вся наша четверка немедленно сделала так называемые «эльфийские» глаза. Даже гномы. А Лаэла так вообще, по-моему, распахнула ресницы на ширину, превышающую длину ее совсем не коротких ушей. Маг-полуорк, да еще и в шикарном мундире, явно сшитом по фигуре у совсем недешевого портного и украшенном орденами и медалями, представлял собой сюрреалистическое зрелище. Интересно, а кто тут за аналитика? Троль, периодически впадающий в состояние окаменелости денька на два-три, или гоблин, торгующий секретами и содержимым складов оптом и в розницу?

– Смирна! – Начальственный рык бравого полуорка мигом вернул нас к суровой действительности. Устремив на нас затянутые кровавыми прожилками чуть желтоватые глаза, исполняющий обязанности начальника полигона буквально разобрал нас по косточкам и выдал вердикт: – Мелюзга вольнонаемная! Сообщаю вам, что на период прохождения практики вы приписываетесь к нашему батальону и переходите в мое непосредственное подчинение. – С этими словами полуорк потряс зажатый во внушительном кулаке содержимым только что вскрытого сопроводительного пакета, выданного нам на дорожку лично секретарем ректора академии. После чего чуть ли не сплевывая продолжил: – Не знаю, кого вы там подмазали, чтобы получить сюда доступ, но на военном объекте вы будете себя вести тише воды, ниже травы! На ближайший месяц я ваша любящая мамочка и папочка в одном лице. И только попробуйте у меня тут!

Еще раз продемонстрированный после этой тирады кулак, покрытый, к слову, кустами коротких жестких черных волос, больше похожих на пучки проволоки, вогнал нас практически в ступор, особенно вкупе с объявленной новостью. Такой подлянки не ожидал никто, и уж тем более наша эльфийка. Во всяком случае, выражение на лице Лаэлы было соответствующее. Фактически наш разлюбезный и после сегодняшнего крайне любимый ректор сдал нас чуть ли не в рабство руководству полигона, проведя нас вольнонаемными специалистами по деактивации големов. Видите ли, только таким образом он смог пристроить нас сюда. Вот только теперь вопрос – зачем он это сделал? Или это месть мне за Миста? Или просто архимаг так вот решил поставить на место зарвавшуюся студентку?

Поселили нас, к счастью, в казарме для офицеров в комнатках, рассчитанных, по идее, на двух обитателей. Хотя сделано это было, наверное, все же для того, чтобы не сокращать поголовье военнослужащих. Мы хоть и студенты, но маги. Пусть и големостроители. Но даже целитель, если его сильно разозлить, сотворит фаербол. А уж если даже самому

плохонькому чародею в руки попадутся кровь и волосы обидчика... В общем, командование всех армий мира давно смирилось с тем, что новобранцев, обладающих волшебными силами, легче держать в минимально комфортных условиях и не сильно третировать. А потому и нам на военной базе угол нашелся. Не будь я наполовину вампиром, которые вроде бы даже в гробах под настроение спать умудряются, а наполовину гномом, у которых привычка жить в маленьких душных помещениях является чуть ли не расовой особенностью, получила бы клаустрофобию. Лаэла, во всяком случае, пару раз бурчала что-то насчет «сделать в ветвях ближайшего дерева шалашик». Может быть, даже и не шутила, но растительность, способная выдержать вес пусть и миниатюрной, но взрослой эльфийки, имелась разве что на горизонте. А так далеко ей ходить было явно лень.

В первое же утро мы пошли получать полагающееся по штату обмундирование и инструменты. Бородатые братья рассчитывали встретить на должности кладовщика своего соотечественника и разжиться у него чем-нибудь неплохим. Ну наполовину они оказались правы. Но и мои вчерашние опасения частично подтвердились.

– Капрал Торгох Алый Клык из клана Олтомейеров, – громыхнуло в армейском приветствии заросшее шерстью нечто, способное тянуть вагон без паровоза и при этом снабженное таким характерным носом, что наличие у него подгорных предков под сомнение даже не ставилось. – Вот ваши вещи.

На прилавок из его лапищи, на которой блестел серебряный перстень-печатка с киркой и каким-то вензелем, упало четыре промасленных дерюжных мешка.

– А вот инструменты, необходимые для плановых работ.

Даже гибрид тролля с гномом не смог бы выложить эти железки в один присест. Гаечные ключи, отвертки, кристаллы силы, стандартный набор рун, масленки, воск для печатей, прочий слесарно-техническо-магический скарб. Ну что о нем можно сказать? Привычные для любого големостроителя вещи. Во всем. Кроме... РАЗМЕРА! Самый маленький гаечный ключ был с руку Лаэлы. А большой, скорее всего, являлся не чем иным, как слегка обтесанным в нужных местах цельнометаллическим тараном.

Разговор в кабинете ректора, произошедший ровно за два месяца до описываемых событий

Декан факультета целительства Мериэль лек Фаххильд, удобно разместившаяся на небольшом плетеном креслице, извлеченном ректором специально для нее из-за неприметной дверцы, с заинтересованным видом произнесла:

– Лериаль, может, просто отчислить их всех, и пусть разбираются за пределами академии?

Усталый взгляд архимага, устремленный на эльфийку, был наполнен непередаваемой обычными словами теплотой.

– Дорогая, если бы все дело было в деньгах ее отца. Да и не в поступках этого мерзавца Миста. Помните тот давний скандал с некроманткой, которую наша мудрая разведка так захотела заполучить, что лишилась пары десятков своих специалистов?

Наморщившая лобик в попытке вспомнить Мериэль выглядела до такой степени очаровательно, что у ректора на секунду перехватило дыхание.

– Это когда... – При этих словах в глазах эльфийки забрезжили воспоминания.

– Так вот... Это ее дочь. – Страдальчески смежив глаза, лек Феанос продолжил: – И хотя официально считается, что контактов семья не поддерживает, думаю, девочка все же сможет пожаловаться оправданной, но так и не появившейся снова в обществе под прежним именем преступнице хотя бы в письме. И тогда этот Мист... – тут ректор сделал многозначительную паузу, – эта мокрица и его папаша могут только молиться, чтобы в их дом ночью заполз всего лишь зомби, а не чего похуже, вплоть до костяного дракона включительно!

Величайший, без сомнения, маг смерти за последние сто – двести лет в недоброжелателях – это уже само по себе плохо, но когда он одновременно обиженная на наше заведение женщина, над чьей дочерью пообещали здесь надругаться... Могила можно не копать. За ненадобностью.

Устремив усталый взгляд на леди Мериэль и аккуратно взяв ее очаровательную ладошку в свои руки, архимаг произнес:

– Дорогая, моя просьба будет довольно необычной, но вы единственная, кому я могу ее доверить. Прошу вас поговорить со студенткой Туиллойска и не допустить разглашения данного инцидента. Конечно, я понимаю, что рано или поздно этот нарыв прорвется, но на данный момент лучше будет, чтобы это произошло за стенами академии. И желательно подальше отсюда.

– Лек Феанос! Но как же... ведь... – В голосе эльфийки при этих словах проскользнули нотки непередаваемого удивления.

– Не беспокойтесь, дорогая, конечно же я не такой зверь, чтобы допустить убийство столь перспективной молодой студентки. Поэтому я немного осложню жизнь господину Мисту в его попытках свести счеты с противницей, которые, несомненно, последуют на первой же практике. Думаю, во время учебы и на территории академии никаких происшествий больше не будет – не совсем же он дурак. – После этой тирады ректор, не отпуская руки эльфийки, задумчиво пробормотал: – Направлю-ка я эту компанию... Точно! К Рыну и отправлю! Пусть привыкают. Да и Мист туда точно не проникнет.

Глава 7

Артиллерийский многоцелевой голем прорыва модели «Лист» на то, что растет на ветке, походил слабо. Скорее уж он напоминал гигантскую гусеницу, на которую наступили, но не раздавили. Овальная блямба серо-зеленого цвета, из которой то тут, то там торчали шипы канонирских башен, передвигаться должна была на колесах и вмещала в себя не меньше двух десятков человек. Когда эту мобильную крепость подбили, сказать было сложно, данная модель использовалась аж на трех войнах в течение полувека, пока не изобрели кумулятивные огненные заклинания, прожигающие толстую броню маленькой дырочкой и разворачивающиеся в стандартное пылающее облако, неспособное плавить металл, но прекрасно испепеляющее экипаж уже внутри машины.

Но, так или иначе, на каторге, куда невеста за какие грехи умудрилась попасть четыре мага-студента, это чудовище ушедших в прошлое битв имелось. И нам был дан приказ его разобрать. Вернее, продолжить работы, которые потихоньку шли, наверное, уже месяцев пять и в ближайшие года полтора прекращаться явно не собирались.

– Ну, Мист, ну погоди, доберусь я до тебя, – пыхтела я, прикладывая все свои силы к тому, чтобы открутить болт, удерживающий на месте один из элементов снарядного элеватора. Гайка поддавалась, но с трудом. Что бы я делала, если бы не была дампиром? Наверное, как Лаэла, плевалась бы ядом и вынуждена была бы заниматься единственной доступной работой – очисткой вырванных с боем у ржавых руин голема деталей от застывшего машинного масла и/или ржавчины. В результате многочисленных контактов с далекой от воды черной жидкостью городская эльфийка местами напоминала дроу, а по общей злобности характера легко бы прошла отборочный конкурс на верховную жрицу Ллос. – И ректор. У, мумия с магическим метаболизмом, доберусь я до тебя...

– И что ты с ними сделаешь? – скептически осведомился Торкат, плохо гнушимися от усталости пальцами рисуя на соседнем с моим звене руну, которую очистить металл от ржавчины. Без подобной магической обработки довести деталь до приемлемого состояния было решительно невозможно. Может, мой напарник пока и не великий мастер рун, но после подобных испытаний, уверена, некоторые из них он сможет сотворить даже в бессознательном состоянии или в виде зомби. Работа делалась уже не просто без участия разума, она стала рефлексом, столь же привычным, как дыхание.

– Покусаю! Нет! Сожру!!! – Мой крик души заметался по пещере, приспособленной то ли под ангар, то ли под свалку отработавших свое големов. На потерявшие способность, надеюсь временно, убираться клыки и изменившие цвет глаза никто уже и внимания-то не обращал. Постоянный стресс и большие нагрузки сделали из трех недоученных магов нечто, способное загрызть даже демона. Ну вот просто так. От «доброты» душевной. Да и спустя пару часов работы я не сильно-то и выделялась, мои друзья, перепачканные маслом, с содранной местами кожей, свежими подпалинами от демонтированных кристаллов Силы поголовно выглядели как коренные жители преисподней.

– Я буду подавать соус, – откликнулся откуда-то сверху из недр разбираемой оружейной башни Гроткар. Ему, как официально наиболее сильному из нас, досталась самая тяжелая работа – разбирать броню на листы, из которых ее когда-то склепали. В час гном умудрялся отодрать примерно три четверти броневой пластины. А весь «Лист» он смог бы обработать разве что лет за сто. К середине второй недели практики я, как и все мои товарищи по несчастью, остро сожалела о нехватке бранных выражений в известных нам языках. Человеческая, гномская и эльфийская брань стала уныло однообразной уже на третий день работы. Для полноценного описания сложившейся ситуации хорошо бы подошел гоблинский, в котором, по слухам, приличных слов вообще нет, но его никто не знал. А жаль.

– Па-а-берегись!!! – С грохотом и скрежетом откуда-то сверху на мою многострадальную голову посыпались целые хлопья ржавчины, больше напоминающие каких-то странных мотыльков, а мгновением позже мимо пролетело что-то неразличимое в полутьме ангара, разгоняемой только налобными светляками и находящимися где-то под потолком залятыми светильниками. Сдвоенный звяк, раздавшийся откуда-то снизу, и сдавленное оханье Лаэлы заставили всех остальных, включая меня, бросить инструменты и чуть ли не прыжками, расстегивая страховочные ремни, буквально скатиться с брони поверженного древнего гиганта.

Стоящее рядом с полуоплавленным колесом, больше похожим на поставленный на ребро каменный жернов, большое монументальное корыто, склепанное из кусков брони какого-то голема, было наполовину пустым. То есть еще несколько секунд назад оно было полным керосина или той жидкости, в которую превращается керосин, если в нем третьи сутки подряд отмыwać и отскребать ржавые обгоревшие детали. Отсутствующий объем этой буро-черной жижи наблюдался вокруг, на опорных поверхностях голема, на каменном полу ангара и на взъерошенной, мокрой как мышь фигуре.

Облаченная в мешковатый комбинезон, со свисающими сосульками вместо копны медовых волос, когда-то сбегавших подобно водопаду на плечи, Лаэла бросила взгляд на моментально появившихся спасателей и... И разрыдалась...

– Ну и чего это было? – мрачно поинтересовалась я у Торката, в то время как его брат успокаивал свою напарницу, впавшую в истерику. Магичка хныкала, как маленькая девочка, грозила непонятно кому страшными эльфийскими карами и почему-то упорно не желала выпускать из рук слегка погнутое и местами ржавое, но все еще достаточно острое долото монументальных размеров, а кузнец рун прыгал вокруг нее кривоногой бородатой бабочкой и пытался промокнуть стекающие с девушки на пол ангара мутные потоки. Хотя, на мой взгляд, перворожденную от жуткой смеси проще было отжать.

– Я точно не уверен, – гном склонился над мутной жижой, оставшейся в корыте, и, зашарив в ней руками, вытащил на свет добычу, – но, похоже, кнippель.

– Чего? Да ты спятил!

Вместо ответа мне под нос сунули два куска железа, соединенных цепью. Я внимательно осмотрела причину катастрофы и была вынуждена признать правоту своего оппонента. Действительно, передо мной был устаревший демоны знают когда снаряд, применявшийся раньше на море для уничтожения корабельных парусов и такелажа.

– И откуда он здесь? – озадачился Гроткар, убедившись, что эльфийке больше не грозит захлебнуться в стекающей с макушки на нос жидкости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.